

Парень без понедельника

Автор:

Хван Хи

Парень без понедельника

Хван Хи

К-Драма

Ранним утром в круглосуточный магазин на окраине Сеула входит девушка. У нее разбит нос, щека порозовела, как от удара, на внутренней стороне бедра сквозь синяки виднеются татуировки. Этой девушке, Ко Ынсе, предстоит пережить еще не одно утро субботы, провалившись во временную петлю из воскресенья назад в субботу 7 июня. За восемь суббот она станет участницей ужасающих событий, попытается спасти жизнь девушке, раскроет убийцу и тайную секту, обретет настоящих друзей, влюбится и примет себя такой, какая она есть.

Хван Хи

Парень без понедельника

Печатается с разрешения Hwang Hee

???? ?? ?? (A boy without Monday) by ?? (Hwang Hee)

This book is published with the support of the Literature Translation Institute of Korea (LTI Korea)

© Hwang Hee ??, 2015

© Чун Ин Сун, А. Е. Шмелева, перевод на русский язык, 2022

© М. Р. Брагина, художественное оформление, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Комментарии к терминам

Прыжок сознания

Под прыжком сознания в этом романе понимается защитный механизм, созданный Временем, стремящимся сохранить уже произошедшие события.

Временная петля

Временная петля – это разновидность путешествия во времени. Увязший в ней человек не может по своей воле перемещаться в конкретное время в прошлое или будущее, а только повторно проживает один и тот же отрезок времени, каждый раз возвращаясь к его началу, крутясь словно белка в колесе. Поэтому словосочетание «временная петля» употребляется с глаголом «попасть» и предлогом «в». Потому что вряд ли кто-то добровольно захотел бы бесконечно переживать один и тот же отрезок времени. С повторением временной петли время само постепенно начинает обладать сознанием, из-за чего прошлое и будущее потихоньку изменяются. По этой причине временная петля может быть небезопасна.

Воскресенье

Под разбитым носом запеклась кровь. Одна сторона бледного лица порозовела, как после сильной пощечины, взгляд был встревоженный, словно она сбежала от чего-то ужасного. На заплаканном лице изогнулись в презрительной усмешке алые губы. На торчащих из-под шорт тощих ногах виднелись покрытые корками шрамы и темно-синие следы синяков.

Она зашла в круглосуточный магазин. Часы на стене напротив входа показывали 7 часов 35 минут. Было утро понедельника.

Перед кассой выстроилась очередь из пяти-шести человек. Когда Ынсе вошла, продавец слегка скосил взгляд в сторону двери, и она, закусив губу, как можно скорее отвела глаза. Он снова переключил внимание на телевизор. Посетители, к счастью, тоже были увлечены происходившим на экране и не обратили на Ынсе никакого внимания. Успокоенная этим равнодушием, она направилась к витрине с напитками.

Взяв бутылку воды, она сразу же с жадностью начала пить. Когда в бутылке осталось не больше половины, Ынсе закрутила крышку и убрала ее в карман куртки. Затем она направилась к стойке с лекарствами, где взяла пластырь. Приклеив его на разбитую переносицу, она направилась к кассе, чтобы расплатиться.

Когда Ынсе двигалась, на покрытой ушибами внутренней стороне бедра то и дело показывались тату-надписи на английском: "Time travelling" («Путешествую во времени»), "I am a girl" («Я девушка»), "The fucking ugly life" («Эта гребаная уродская жизнь»), на затылке неровно обрезанные в градуированное каре волосы свисали, словно крылья черной птицы. По мере того как очередь сокращалась, Ынсе все сильнее закусывала губу.

И продавец, и покупатели замороженно смотрели утренние новости.

- Найдена шестая голова...

Диктор говорил о серийных убийствах, совершаемых так называемым Ангелом-карателем. «Уже шестая...» - про себя удивилась Ынсе. Внизу экрана показали лицо жертвы.

Доставая из кармана бутылку, чтобы расплатиться, Ынсе бросила рассеянный взгляд на фотографию.

– В пакете с шестой головой было обнаружено кимчи.

Бледное лицо девушки окаменело. Ресницы, окаймлявшие черные глаза, задрожали.

«Не может быть...»

Услышав о том, что голова жертвы была найдена в пакете вместе с кимчи, Ынсе прикрыла рот рукой и резко отшатнулась. Бутылка выпала из ее рук и с гулким звуком ударилась об пол. Продавец и несколько покупателей обернулись в ее сторону, но быстро потеряли интерес и перевели глаза обратно на экран.

– Жертва – некая Ким, владелица ресторанчика неподалеку от Университета иностранных языков. Она была членом защищающей права ЛГБТ организации «Нормальные сердца» и занималась подготовкой первого в Корее фестиваля квир-культуры. В черном полиэтиленовом пакете, в котором была обнаружена голова, содержалась оставленная убийцей записка, обвиняющая жертву в том, что она «осквернила имя Божье». Напоминаем, что полиция открыла горячую линию для звонков по делу Ангела-карателя. Анонимные сообщения тоже разрешены.

Тело, лежавшее в ванной под черным пакетом, принадлежало шестой жертве? Это значит, отец – Ангел-каратель? Хотя она знала, что и черный полиэтиленовый пакет, и отрезанные головы были почерком Ангела, в тот момент Ынсе была как будто не в себе и даже не задумалась, что отец может быть с этим как-то связан. Ее ярко-алые губы задрожали. Ей стало нечем дышать.

Она выскочила из магазина, согнулась пополам, и ее вырвало с такой силой, что казалось, все органы вот-вот выскочат наружу.

– Внемлите истине Евангелия, смойте грехи кровью Иисуса и поверьте в него, – донесся до нее приближающийся голос.

Едва Ынсе немного пришла в себя и начала подниматься, как ей в лицо подсунули флаер: «Гей-бар, хост-бар, клуб для трансгендеров, 25 % мультискидка». Эти рекламные листовки – грязные, растоптанные и порванные – выглядели так, будто проповедница их где-то подобрала. «Говорит про Евангелие, но сует флаеры со скидками в гей-бары... Что за чушь?» – удивилась Ынсе.

Проповедницей оказалась невысокая худая женщина лет пятидесяти, с короткими, выкрашенными в красный волосами. На бледном, словно у гейши, лице выделялись красные тени на веках и накрашенные ярко-алой помадой губы. Она походила на сумасшедшую, сжимая в руках что-то напоминающее коробку из-под печенья и ворох смятых газет и листовок, которые выглядели так, будто она вытащила их из мусорки.

– Тебе надо поверить Иисусу. Тогда обретешь Спасение и попадешь в Рай.

Проповедница пристально уставилась на Ынсе. На ее веках можно было заметить шрамы от пластической операции – она сделала себе двойное веко. Было что-то угрожающее в ее горящем взгляде, отчего Ынсе невольно отступила назад. Вероятно, она показалась проповеднице легкой жертвой, так как та встала напротив и схватила ее за руку.

– Не хочешь? В Рай, спрашиваю, не хочешь?

– Отпустите! – выкрикнула Ынсе.

– Ты, невежда, не понимаешь, как страшен Ад. Покайся в своих грехах, и обретешь Спасение!

Проповедница вновь крепко схватила за руку вырывающуюся Ынсе. Та не смогла сдержать подступившую волну гнева.

– Вот сама и спасайся! Отправляйся в свой рай, а меня отставь в покое! Поняла?

Сотрясаясь от ярости, Ынсе орала как сумасшедшая. Ей едва удалось подавить отвратительное желание броситься на проповедницу и убить ее. Неизвестно, какая у нее история, что ее сделало такой... С другой стороны, Ынсе и не хотела

знать, не хотела испытывать сочувствие. Достаточно ей религиозного фанатика-отца.

Ранее такая воодушевленная, проповедница под напором Ынсе как-то съежилась, рот ее искривился в жалостливом выражении, будто она вот-вот заплачет. Словно это она тут жертва.

- Не иди за мной! А не то убью! - прокричала Ынсе.

Вероятно, почувствовав, какой чудовищный гнев охватил Ынсе, проповедница осталась стоять на месте.

«Почему такое все время происходит со мной? Да оставьте меня уже в покое!» - в отчаянии подумала Ынсе.

Она всегда старалась жить тихо, боясь обидеть кого-то и не желая, чтобы обижали ее, но почему-то другие без угрызения совести постоянно причиняли ей боль. В таких обстоятельствах всегда кто-то страдает, и почему-то все раны всегда доставались Ынсе. Со временем, однако, ее кожа как будто загрубела, покрывшись плотными корками мозолей. Места для новых, кажется, уже не осталось.

* * *

Позже в метро Ынсе какое-то время, глядя на рельсы, размышляла о том, насколько просто было бы умереть, и о том, как страшно все-таки прыгнуть, как вдруг осознала, что находится на станции «Университет иностранных языков». По новостям сказали, что шестая жертва держала ресторанчик где-то неподалеку. Ынсе пришло в голову, что здесь можно встретить полицейских или родственников убитой. Решив, что не стоит задерживаться на этой станции, она было поднялась, как вдруг услышала всхлипывания и инстинктивно обернулась.

Рядом на лавочке плакал какой-то мужчина, на вид лет двадцати пяти. На нем были кроссовки, голубые джинсы и белая рубашка, рукава которой были закатаны до локтей. Он закрывал лицо руками, пытаясь скрыть свои слезы, но усилия были тщетны - не заметить это было невозможно.

То ли она заразилась, глядя на то, как сотрясаются от рыданий его плечи, то ли у нее самой еще остались слезы (хотя ей казалось, что она выплакала их все), но Ынсе снова чуть не заплакала.

Несколько часов назад отец вышел из ванной с пакетом с отрубленной головой, сел на мотоцикл и растворился в рассвете. Когда рев мотора за окном затих, Ынсе подумала, что теперь можно сбежать, но стоило ей вспомнить, как она, словно в припадке, разрезала на части тело, по лицу потекли слезы. Ее несколько раз вырвало, после чего она окончательно разрыдалась. Она плакала так долго и так сильно, что тогда казалось: она истратила весь свой запас слез. Однако, видимо, остались еще.

«Черт, обещала же себе плакать только в одиночестве», – проворчала Ынсе про себя и перевела все еще застилаемые горячими слезами глаза на молодого человека.

В этот момент раздалось оповещение о том, что скоро приедет поезд. Ожидавшие на скамейках пассажиры начали подниматься. Когда молодой человек повернул голову в сторону платформы, Ынсе удалось рассмотреть его лицо – у него были приятные, правильные черты.

С гудком прибыл поезд. Ынсе заметила, как печаль на лице молодого человека внезапно уступила место какому-то другому чувству. В этот момент она почему-то с удивительной ясностью поняла, что он совершит самоубийство. Охваченная этим ужасным предчувствием, Ынсе бросилась в его сторону.

* * *

Единым комом они рухнули на платформу. На какое-то время Ынсе, кажется, потеряла сознание, а как только пришла в себя, увидела, что молодой человек лежит, распластавшись на полу, и все внимание направлено в их сторону. Повернули головы даже те, кто ждал поезда на другой стороне платформы. Позади с грохотом остановился поезд. Пытаясь понять, что случилось, пассажиры выглядывали наружу, прилепившись к окнам, словно улитки. Их белые лица, на которых сливались все черты, выглядели угрожающе.

– Все в порядке? – прокричал кто-то из подбежавших дежурных по станции. Один из них просвистел в свисток, наводя порядок в сформировавшемся хаосе.

Пассажиры в вагоне отодвинулись от стекол, и их удушающее внимание схлынуло. Ынсе наконец вернулась в реальность.

Пытавшийся покончить с собой молодой человек, словно мертвый, недвижимо лежал на полу и беззвучно плакал. Почему он хотел совершить самоубийство? Это ведь она думала о том, чтобы прыгнуть...

Дежурный по станции поднял юношу и усадил.

– Извините, – едва слышно прошептал молодой человек.

– Нельзя таким молодым сдаваться. Кто из нас хоть раз не хотел это сделать? Бывает, по нескольку раз в день отгоняешь такие мысли. Потому что думаешь о семье.

В ответ на теплые слова дежурного глаза молодого человека снова наполнились слезами.

На перрон выбежал машинист поезда. На его лице смешались облегчение и гнев.

– Ох... Ну как так можно...

Перепугавшийся машинист приложил ко лбу тыльную сторону ладони и застыл, будто утратив дар речи.

Только тогда молодой человек медленно поднялся и, опустив голову, извинился перед машинистом.

– Да что мне от ваших извинений... Пять лет мучаюсь кошмарами. В этот раз точно брошу это все. Ей-богу, брошу. И почему все они, чуть что, бросаются под поезд?

– Наверняка была причина. Должно быть, ему было очень тяжело. В любом случае хорошо, что он не погиб.

– И не говорите. Пять лет назад здесь прыгнула пьяная девушка. Ее не смогли остановить, и она умерла. После этого каждый раз, как сажусь за пульт...

Охваченный внезапно нахлынувшими воспоминаниями, машинист резко оборвал себя и вернулся в кабину.

* * *

Разошлись подбежавшие в тревоге дежурные и медики, отправился простоявший дольше обычного поезд. На платформе остались только молодой человек и Ынсе.

Попытка сдвинуться с места отозвалась резкой болью в коленях. На них, остро выступавших на тощих ногах, расцвели багровые синяки. Хромая, Ынсе дошла до скамейки и села.

Мужчина стоял в какой-то неловкой позе, словно не знал, куда себя деть, и без выражения смотрел на Ынсе.

«Хочет извиниться? – размышляла девушка. – Или, наоборот, обвинить в том, что я не дала ему прыгнуть? Или, может, он меня сейчас изучает, прищурив глаза, потому что что-то в моей внешности показалось ему странным? Если так, то скоро он потеряет интерес. Как же меня достали такие взгляды...»

В груди поднимался гнев. Хотя она старалась не смотреть в его сторону, он все это время не сводил с нее глаз. В конце концов Ынсе собрала с силами и вопросительно взглянула на него. Он не реагировал. Он смотрел на нее с нечитаемым выражением, и казалось, что, хотя глаза его прикованы к Ынсе, он ее на самом деле не видит. Он смотрел ей прямо в лицо, но мысли его будто витали где-то в другом месте. В этом взгляде Ынсе увидела боль от утраты. На его лице по-прежнему виднелись невысохшие дорожки слез, и Ынсе, внезапно смутившись, отвернулась. Он вернулся к скамейке, на которой сидел до того, как все это произошло. После сообщения о том, что движение восстановлено, заиграло оповещение, извещавшее о прибытии поезда.

– Послушай... – молодой человек наконец обратился к Ынсе.

В этот момент раздался звонок ее мобильного. Странно, она вроде бы ставила на вибрацию. Как он мог звонить? Трыыынь. Трыыынь. Это был звук ее обычного рингтона. Молодой человек, который только набрался храбрости заговорить, опустил взгляд и тихо сидел, намереваясь, по-видимому, дождаться, когда Ынсе закончит разговор.

Это, несомненно, отец. Он, должно быть, пришел в ярость, увидев, что «этот сукин сын» поджег дом и сбежал, и теперь будет, брызжа слюной, грозить убийством. «Сукин сын» – это она.

Ынсе достала телефон, намереваясь бросить его на рельсы, как вдруг застыла, удивленно уставившись на экран, на котором высветилось совсем другое имя контакта. Подумав, что ей могло показаться, она посмотрела еще раз. Ей звонил не отец, это была мама.

Мама, которая попала в аварию по дороге в аэропорт и погибла на месте.

Должно быть, отец сохранил ее мобильный. Раз Ынсе не отвечает на его звонки, он решил выследить ее, позвонив с телефона матери. Но, как ни страшно ей было быть пойманной отцом, Ынсе все равно нажала на кнопку «принять».

С другого конца слышался перемежаемый помехами женский голос. Это был не отец. Голос точно принадлежал женщине и очень походил на мамин. По спине Ынсе побежали мурашки. Мама же умерла. Ынсе понимала, что это невозможно, но все равно не могла подавить слабый голосок надежды. Она раскрыла дрожащие губы и выдавила:

«Мааам...?»

Первая суббота

Из радио доносился специальный репортаж о серийных убийствах Ангелакарателя. Взбудоражившая всю страну серия преступлений приковала особое внимание публики тем, что убийца якобы убивал только грешников, нарушавших божьи заповеди. Стоило собраться хотя бы трем корейцам, как взгляды на то,

кем считать Ангела – добродетельным христианином или обычным убийцей, – непременно расходились.

Пассажиры автобуса в полном молчании слушали передачу.

Выступал профайлер, занимавшийся составлением психологического портрета убийцы.

– Вместе с головой пятой жертвы была обнаружена живая крыса. Она была примотана кабельной стяжкой к лицу сквозь дыру в переносице, сделанную убийцей, и за то время, что она находилась в пакете, успела сгрызть губы и десны убитого. Когда полиция обнаружила голову, крыса была еще жива. Мы полагаем, что это либо дело рук религиозного фанатика, ожидающего Второго пришествия Христа, либо психопата, воспринимающего людей как объекты. Но самое тревожное во всей этой истории то, что некоторые граждане одобряют действия Ангела. Даже верующие.

– Как они могут одобрять? Он же убийца! – изумился ведущий.

– Ну, так ведь он убивает только тех, кого общество само хотело бы покарать. И проблема в том, что многие граждане начинают верить, что, хотя Ангел вроде бы и повинен в грехе убийства, он совершает суд только над преступниками, ловко избежавшими правосудия. Первой жертвой стал диакон, посещавший дома нерелигиозных людей. Твердя, что грядет день Страшного Суда, он продавал «билеты в Рай». Когда один из «потенциальных клиентов» начал его высмеивать, он сначала устроил с ним спор, а потом его задушил.

– Какой кошмар... Может, как атеист, я чего-то не понимаю, но мне интересно. Почему разного рода пасторы и проповедники чаще говорят про Суд, чем про Спасение?

– В Евангелии от Иоанна говорится о Спасении, но это было еще до смерти Христа. А вот в Откровении Иоанна Богослова говорится о Суде. Может, поэтому?

– Священники и проповедники действительно так переживают, что, когда наступит день Страшного Суда, неверующие попадут в Ад? Поэтому постоянно о нем твердят?

– Думаю, тут скорее дело в том, что людей проще запугать наказанием, чем привлечь разговорами о спасении. Говоря о Страшном Суде, можно внушить людям страх и завлечь их в свою паству.

– Ну, наверняка не все такие.

– Вы правы. Есть разные религиозные организации и разные пасторы.

– Давайте, однако, вернемся к преступлениям.

– Да. Так вот, первая жертва была убита, так как точно соответствовала третьему из выдвинутых Ангелом трех грехов: он, как было написано в записке, «осквернил имя Божье». Вторым убитым стал религиозный фанатик, вечно твердивший, что все неверующие попадут в Ад. Он пытался заставить свою бабушку-буддистку пойти в церковь. Когда она отказалась, он задушил и расчленил ее. Ангел оказался на шаг впереди полиции, которая тоже занималась этим делом, выследил мужчину и наказал его. Если бы полицейские успели первыми, то он мог бы отсидеть несколько лет в тюрьме и выйти по условно-досрочному. Согласно записке Ангела, повинность второй жертвы заключалась в том, что он, «основываясь на своих ограниченных знаниях, сеял вражду среди детей Христовых». Это второй грех в его списке.

– Каким образом ему удалось выследить преступника быстрее полиции? Уж не работает ли он сам полицейским?

– Сложно сказать. Может, и так, а может, и нет. Сейчас не время для поспешных умозаключений.

– Третий убитый был пастором, много лет растлевавшем мальчиков из церковного хора. Четвертая жертва – проповедник, что публично клеймил позором прихожанина, не сдававшего десятину. Сделав его изгоем, он фактически довел его до самоубийства. Пятым убитым Ангелом стал пастор одной из Новых религий. Он основал свою секту в заброшенном здании и запугивал своих прихожан скорым наступлением Конца света, убеждал жертвовать имуществом и каждый день устраивал оргии, утверждая, что так должно продолжаться до самого конца.

– Получается, Ангел-каратель действительно убивает отъявленных мерзавцев.

– К счастью, действительно, все убитые на данный момент, без сомнения, были врагами общества.

Ынсе, спавшая прислонив голову к окну автобуса, резко открыла глаза. Перед взглядом успела промелькнуть и исчезнуть синяя вспышка.

Проснувшись, девушка какое-то время не могла понять, где она находится. Она вроде бы была в метро, но почему-то оказалась в автобусе. Испугавшись, что уже проехала свою остановку, она выглянула в окно. Только убедившись, что ехать еще долго, она успокоилась и, глубоко вздохнув, откинулась на спинку сиденья.

В голове всплывали подробности сна. Ей снилось, что ей звонила погибшая мама. Жаль, что она проснулась, прежде чем сумела с ней поговорить. Хотелось бы услышать ее голос хотя бы во сне. Но почему ей приснилось такое? К чему вообще снятся покойники? Ынсе вспомнилось и то, как сжималось сердце, когда она смотрела на того молодого человека. Станный все-таки сон.

Завибрировал телефон. Ынсе знала, что это отец. От этого ей еще меньше хотелось брать трубку. Она даже подумала оставить телефон вибрировать, но затем снова занервничала.

«Возьми трубку. Я могу убить тебя, если не ответишь», – голос отца в голове острыми гвоздями впивался в мозг. Именно в этот момент Ынсе внезапно показалось, что все это уже происходило раньше. Во сне.

«Как будто и правда уже не в первый раз», – подумала она.

Сколько себя помнила, она жила в тревожном ожидании таких внезапных звонков отца, от которых в напряжении каменело все тело. В ней бурлило раздражение.

Стоявшие, держась за поручни, пассажиры бросали на Ынсе почти укоризненные взгляды, словно вопрошая, почему она не берет трубку. От этого она еще больше стушеввалась и, только чтобы заткнуть так раздражавший окружающих

телефон, сделав глубокий вдох, нажала кнопку «принять».

- Ты где? – донесся с того конца грубый голос отца.

- Еду на подработку.

- Сегодня домой не приходи, переночуй у какого-нибудь друга.

С этими словами отец резко бросил трубку.

«У какого-нибудь друга...» Откуда ему знать, что у нее нет никаких друзей? Впрочем, ему и не было необходимости об этом знать, и Ынсе не стала бы рассказывать. Да и их дом не был местом, куда ей бы хотелось возвращаться.

- Мы вернемся после рекламной паузы, – диалог ведущего и профайлера на время приостановился, и заиграла реклама пособий для домашнего обучения.

- Да наверняка он воспринимает людей как вещи. Как пластмассовые куклы, – сказал стоявший держась за поручень молодой человек лет двадцати.

- Ну, тех его жертв и я бы готов был убить. Не знаю уж, кто этот Ангел, но, по моему, он восстанавливает справедливость там, где закон оказался не в силах это сделать. Я лично ожидал, что будет новый случай. Интересно, вместе с чем обнаружат шестую голову.

«Так была же новость о шестой голове, найденной с кимчи!»

Ынсе потрясла головой и усмехнулась, удивившись про себя тому, что сон был настолько яркий, что то и дело путался с реальностью.

«Наверняка мне это все приснилось после того, как я наслушалась по радио всех этих разговоров про серийные убийства», – подумала она.

Во сне ее отец был Ангелом-карателем, и, не в силах ему сопротивляться, Ынсе помогала распиливать шестую жертву. Девушка испытывала облегчение от того, что этот отвратительный кошмар оказался всего лишь сном. От одних воспоминаний ей почудилось, что от нее исходит запах крови.

В любом случае серийные убийства Ангела, по-видимому, стали для многих будоражающим воображение и щекощущим нервы развлечением: поводом для сплетен и пересудов. Но, так или иначе, а преступника когда-нибудь поймают. Люди по всему миру постоянно умирают по разным причинам в обстоятельствах таких жутких, что и в триллере не встретишь. Даже сегодня в новостях упоминалось несколько таких эпизодов. Убийства Ангела всего лишь один из них. Людям было главное, что отрубленные головы с записками с обвинениями в грехах принадлежали не им. У них и так своих забот по горло.

Ынсе бросила взгляд в окно автобуса, за которым пробежал залитый солнечным светом город. Вдруг этот яркий пейзаж сверху накрыла черная тень, причем так резко, словно что-то застлало взгляд девушки. Ынсе моргнула и снова уставилась в окно на тотчас померкнувший город. Она поразилась тому, как сильно меняется мир, стоит только исчезнуть солнцу.

«Да, пожалуй, все-таки человеческим глазам нельзя верить», – подумала она.

Кто знает, вполне возможно, мир был совсем не таким, каким она его видела.

В этот миг Ынсе охватило странное ощущение. Это уже происходило раньше: этот момент, этот выпуск новостей, этот автобус с этими пассажирами и их разговорами – в точности так, как было во сне. Это на самом деле был просто сон? В задумчивости она наклонила голову.

– Эй, девка! Куда едешь?

Неожиданно услышав этот голос, Ынсе побледнела и начала беспокойно озираться, оглядывая пассажиров. Голос принадлежал ее однокласснику Чо Дусоку. Он со своей шайкой не раз ее изводил. Как и следовало ожидать, именно он показался среди других пассажиров. Ынсе не думала, что может встретить его в этом автобусе. Девушка прикрыла глаза и опустила голову. Не будет ничего хорошего, если встретиться с ним взглядом.

Пробравшись сквозь толпу людей, Чо Дусок встал перед Ынсе, ухватившись за ближайший поручень.

– А ну, подними голову. А то подумают, будто ты меня стесняешься, – Дусок говорил громко, очевидно, желая ее унижить. Он ухватил девушку за подбородок и заставил поднять голову. Все это привлекло внимание других пассажиров, которые теперь уставились на них.

С насильно поднятой головой Ынсе все равно старательно отводила взгляд к окну. Это было лучшим сопротивлением, на которое она была способна.

– Эй, ты что глаза отводишь? Меня это обижает. Давай, посмотри на меня.

Она продолжала молчать.

– Я спрашиваю, куда ты едешь, придурок? Ты что, ушами менструируешь? Не пора поменять прокладку?

При слове «прокладка» стоявшие рядом мужчины беззвучно захихикали. Женщины зашептались, оглядывая одетую в мужскую школьную форму Ынсе. Даже стоявшие в других концах автобуса пассажиры принялись вытягивать шеи и поворачивать головы, стараясь ее разглядеть. Дусока только раззадорило это внимание, и он заговорил еще громче:

– Встань-ка и сними штаны. Покажи, какое там у тебя хозяйство. Может, выросло что.

Ну вот. Случилось то, чего опасалась Ынсе. Он решил устроить в автобусе то, что уже не раз проделывал в школе.

– Эй, ты че меня игноришь? Сука какая.

Слово «сука» было еще более оскорбительным, чем «прокладка».

Другие пассажиры, недоумевавшие, почему парень Дусок обращается к другому парню, используя слова «прокладка» и «сука», не отводили от них глаз, хотя и старательно делали вид, что это все их не касается.

Упавшая из глаз Ынсе слеза образовала темное пятно на школьных брюках. У нее не было сил поднять голову. Было страшно встретиться со взглядами людей,

считавших ее каким-то выродком.

– Ну, если не хочешь снимать штаны, то задери рубашку. Покажи грудь!

Он схватил ее за ворот. И в этот момент раздался громкий женский голос.

– Эй, полегче! – выкрикнула какая-то девушка.

Ынсе еще ниже опустила голову, в то время как Дусок развернулся посмотреть на обладательницу голоса.

Это была обычная на вид студентка, в джинсах, кроссовках и белой рубашке, с рюкзаком на плечах и книгой в руках. Она выглядела как те хрупкие девушки, которые визжат при виде таракана, однако, хотя Дусок и выглядел как один из тех парней, с которыми лучше не связываться, она не просто не отводила взгляд, а напротив, смотрела на него с вызовом. Это картина вызвала еще большее внимание других пассажиров. Сидевшая с опущенной головой Ынсе тоже украдкой бросала взгляды на девушку.

– Тетенькааа, а вам до него какое дело?

Он говорил с вызовом, лениво растягивая слова, провоцируя девушку. Некоторые пассажиры достали мобильные телефоны и принялись снимать происходящее на видео.

– Он из тех выродков, что строят из себя девушек, в то время как у них яйца между ног болтаются. Ну, посмотрите на него, каким местом он вообще парень? И ведет себя как баба. Я поймал его, когда он ходил в женский туалет. Считает себя женщиной. Разве нормальный человек может такое понять?

– Да, может. Может. А ты думаешь, можно вот так перед всеми выставлять на посмешище своего одноклассника? Из-за таких бесчувственных хамов, как ты, в школах столько затравленных подростков, многие из которых совершают самоубийство!

Хотя девушка и выглядела хрупкой, голос ее, напротив, был тверд.

– Да он заслуживает такое отношение. Да и какое мне дело, если такие кончают с собой? Отец говорит, что это просто типаж такой – суицидники: они бы сделали это в любом случае. Да и посмотрите на него. Как над ним ни издеваешься, он не кончает с собой. Упрямый потому что. А с теми, кто от стыда сразу вены себе режет или еще что, ничего не поделаешь. Так что, если кто-то и кончает с собой, моей вины в этом нет.

– Да ты, я смотрю, запущенный случай...

– Эй, потише там, пожалуйста! Выходите, чья остановка, – раздраженно прокричал водитель.

Двери со скрипом разъехались. Ынсе вскочила, толкнула Дусока и, протиснувшись сквозь толпу пассажиров, выпрыгнула из автобуса.

Дусок открыл окно, высунул верхнюю часть туловища наружу и, вытаращив глаза, закричал:

– В понедельник увидимся в школе, выродок! Тогда я тебя и убью!

Ынсе бежала, не оглядываясь.

Ей вспомнились насмешливые взгляды и хихиканье мужчин из автобуса. Эти насмешки были еще более невыносимы, чем полные любопытства взгляды женщин, недоумевавших, как парень может считать себя девушкой. Как быстро ни беги, невозможно сбежать от воспоминаний об испытанном в автобусе унижении.

В голове всплыли слова девушки: «Из-за таких бесчувственных хамов, как ты, в школах столько затравленных подростков, многие из которых совершают самоубийство!» Ынсе девятнадцать лет жила, сопротивляясь соблазну покончить с собой. Через год ей исполнится двадцать. Осталось потерпеть всего год. «Но смогу ли я дожить?» – в очередной раз спросила она себя.

Ынсе испытывала благодарность к защитившей ее девушке. Она раньше и подумать не могла, что найдется человек, способный вступить за нее в общественном месте. Она подумала, что, если доведется снова ее встретить,

нужно будет обязательно поблагодарить за поддержку.

Ынсе прошла пешком одну остановку и добралась до станции метро, где, как обычно, зашла в общественный туалет. Возле входа располагались камеры хранения. Она вытащила из одного из ящичков сумку, извлекла все содержимое и запихнула в карман, а сумку убрала на место.

Зайдя в кабинку и закрыв за собой дверь, Ынсе сняла с себя мужскую школьную рубашку с бейджиком «Ко Ынхёк». Вспомнив перенесенное в автобусе унижение, она забралась с ногами на опущенную крышку унитаза, съежилась и долго плакала. Мерзавец. Когда-нибудь она его убьет.

Вдруг снаружи кто-то постучал.

– Занято! – выкрикнула Ынсе.

Ынсе быстро поднялась, стянула брюки и надела шорты цвета хаки. На грудь она нацепила силиконовый лифчик.

– Примерь-ка вот это.

Когда Ынсе начала упрямо твердить, что хочет сделать операцию по смене пола, мама принесла ей лифчик с силиконовыми подкладками и немного косметики.

– Ты и так красива как девушка, нет нужды пока ничего делать, а когда захочется, можешь носить это. А мы уж постараемся с тобой накопить на операцию. Операции по смене пола могут быть очень опасны, так что если делать, то после совершеннолетия. Хорошо? – сказала тогда мама. – Мне как матери важно лишь, чтобы мой ребенок был счастлив, так что я всегда на твоей стороне. Никто не знает, что будет завтра, но пока я жива, я буду делать все, что в моих силах, чтобы порадовать тебя.

– Мамочка, живи долго-долго. Если ты умрешь, то и я умру тоже.

В ту ночь Ынсе плакала, прижавшись к матери.

Этот момент единения «матери и дочери» был накануне запланированной на осень поездки в Таиланд, которая должна была стать первым для Ынсе путешествием за границу. Чтобы отец ни о чем не догадался, они даже из дома выехали в разное время, договорившись встретиться в аэропорту. Вот только встретиться они уже не смогли. Когда Ынсе услышала о смерти матери, она подумала, что лучше всего ей будет покончить с собой. Но ее решимость исчезла, стоило ей надеть оставленную мамой золотую цепочку. Каждый раз, когда Ынсе застегивала это украшение на своей шее, ей казалось, что мама где-то рядом, и она продолжала бороться.

Ынсе потрогала цепочку. Ей придала сил мысль о том, что она должна жить за двоих.

Она надела рубашку с коротким рукавом и накинула сверху бомбер, сняла кроссовки и надела черные армейские ботинки. Затем она припудрила переносицу и щеки с помощью взятого в магазине пробника пудры и нанесла на губы немного тинта. Этот ежедневный процесс превращения в девушку был ее самой любимой частью дня. Ынсе попыталась улыбнуться, но, хотя алые губы и искривились в подобии улыбки, ей никак не удавалось избавиться от переполнявшей ее грусти.

Когда Ынсе вышла из кабинки, перед зеркалом в туалете стояли две девушки и поправляли макияж. Притворяясь, что занята исключительно мытьем рук, Ынсе то и дело осторожно бросала взгляды на свое отражение. Легкий, неброский макияж как будто делал ее даже более женственной. В то время как подбородки ее одноклассников покрывались щетиной, а кадык на шее выступал все больше, с Ынсе подобных изменений не происходило. Как будто она и впрямь была девушкой и только по некой ошибке Бога родилась с мужскими гениталиями. Ынсе улыбнулась, подумав, что когда-нибудь сможет уже по-настоящему, уверенно жить в женском теле.

* * *

Ынсе добралась до кафе на улице Хондэ. Когда она вошла, хозяйка, убиравшая столик за посетителями, бросила взгляд на дверь. Ынсе не хотелось, чтобы та заметила, что она плакала, поэтому она опустила голову, чтобы спрятать лицо.

Зайдя в женский туалет, она переделалась в форму бариста. Белая рубашка, черный жилет и длинный передник – эта гендерно-нейтральная униформа отлично смотрелась на Ынсе. В каком-то смысле она и впрямь походила на «миловидного мальчика», как сначала описала ее хозяйка.

Когда Ынсе впервые пришла на собеседование, у нее были длинные волосы, но хозяйка все равно сначала не могла понять, кто перед ней: красивый мальчик или красивая девочка, и лишь увидев вздымающуюся под одеждой грудь, окончательно решила, что имеет дело с существом женского пола. Она бы наверняка была шокирована, узнав, что грудь не настоящая. Не желая выглядеть как «мальчик», Ынсе достала тинт, чтобы добавить еще слой, когда дверь в туалет распахнулась и зашла какая-то девушка.

Она прошла в дальний угол и встала, опершись спиной о стену. Ынсе бросила на вошедшую рассеянный взгляд через зеркало и остолбенела. Это, без сомнения, была та студентка из автобуса. Хотя нельзя было сказать точно, казалось, что она либо одного возраста с Ынсе, либо всего на пару лет старше. Она, по-видимому, не узнала в девушке, одетой в униформу бариста, сидевшего с опущенной головой парня из автобуса.

Ынсе, у которой до этого не было возможности как следует рассмотреть свою защитницу, потихоньку разглядывала ее в зеркало. У девушки было в целом очень красивое лицо, но особенно Ынсе понравились ее прямые плотно закрытые губы. Это была форма губ, которая особенно нравилась маме Ынсе, интересовавшейся физиогномикой. Она говорила, что такие губы бывают у людей, которые не прогибаются под обстоятельства, не впадают в отчаяние из-за трудностей и всегда действуют решительно и твердо. Интересно, люди и правда ведут себя так, как предсказывает физиогномика?

Ынсе размышляла, поблагодарить или не поблагодарить девушку, но никак не могла решиться. Если та поймет, что тот школьник из автобуса наряжается в девушку и пользуется женским туалетом, это может вызвать у нее отторжение, несмотря на всю ее доброжелательность.

Когда Ынсе уже было окончательно решила, что лучше всего будет сделать вид, что они никогда не встречались, у нее в голове всплыла фотография отрубленной головы шестой жертвы Ангела-карателя из выпуска новостей. Лицо девушки очень напоминало лицо на фото. Неужели это один и тот же человек? Ынсе смотрела на девушку округлившимися глазами. По спине внезапно

побежали мурашки. Она вспомнила, как при виде той фотографии из выпуска новостей ей показалось, что она уже видела девушку в туалете кафе.

«Как может быть, что мне вчера приснился человек, которого я впервые увидела сегодня?» – это в голове не укладывалось.

Ынсе задумалась о том, что мурашки по телу побежали еще до того, как она вспомнила про сон, как будто за всем этим крылась еще какая-то причина.

Во сне шестая жертва была некой Ким. Впрочем, большой пользы от этой информации не было, так как это была очень распространенная фамилия. Когда Ынсе стала рыться в памяти, в голове начали всплывать похожие женщины, которых она где-то когда-то видела, от чего она еще больше запуталась. Она начала сомневаться, что девушка, которая сейчас стояла прислонившись к стене, была той же, чью голову она видела во сне.

Девушка тоже искоса поглядывала на Ынсе, видимо, заметив ее напряженную позу. Она стояла, держа сигарету между тонких пальцев одной руки, а другую руку прижимая к груди, и медленно выдыхала дым.

Ей удалось снова удивить Ынсе. Она казалась такой невинной и хрупкой, но уверенно давала отпор Дусоку в автобусе, а теперь оказалось, что она еще и курит. Она явно была не из тех, о ком можно составить верное представление, основываясь только на внешности.

То, как она курила, не выглядело вульгарным. Ее лицо без макияжа казалось интеллигентным. Но почему она стоит в туалете и курит с таким мрачным видом? Впрочем, наверное, у каждого есть свои демоны, о которых невозможно рассказать другим.

Ынсе отвела взгляд. Казалось, ее защитница сама нуждается в утешении. Ынсе подумала, что хотела бы стать ей другом, если бы только она не была против. Девушка тем временем выбросила окурки в урну, включила воду, помыла руки и вышла из туалета.

* * *

Ынсе безотчетно последовала за девушкой в холл кафе. Стоило ей увидеть, как та садится за столик напротив какого-то молодого человека, ее внезапно охватило дежа-вю. Ей показалось, что мужчина вот-вот ударит свою собеседницу. Внезапно молодой человек и правда вскочил и с криком: «Говорил же тебе бросить курить!» залепил девушке пощечину. Другие посетители обернулись в их сторону. Ынсе тоже уставилась на них, прикрыв рот рукой и округлив глаза. В голове беспорядочно скакали мысли. Все было в точности как ей привиделось. Получив пощечину, девушка плотно стиснула зубы, стараясь не заплакать, но из глаз ее все равно потекли слезы.

«Он снова ее ударит», – подумала Ынсе.

И действительно, молодой человек опять замахнулся.

Но Ынсе вовремя успела перехватить его руку, прежде чем она успела долететь до лица девушки. Взгляды всех троих пересеклись в одной точке. Подняв глаза на лицо молодого человека, Ынсе обомлела. Она знала его имя. И имя девушки тоже.

Его звали Кан Чхульчжун, а ее – Ким Чжехи. Ынсе и сама не могла понять, откуда знала их имена и почему они всплыли у нее в голове только сейчас.

– Что за...? Что ты, блядь, делаешь?! – выпучив глаза, заорал Кан Чхульчжун. Он выглядел угрожающе, но Ынсе не собиралась уступать только потому, что он физически сильнее ее. Когда Ынсе подверглась унижению в автобусе, Чжехи пришла ей на помощь. Ынсе хотела отплатить ей за ее доброту, даже понимая, что Чхульчжун может ударить и ее.

– Не смейте ее бить! – твердо сказала Ынсе, удерживая его руку.

– Я тебя, что ли, ударил? Ты почему лезешь в чужие дела? Этому тут учат сотрудников?

– Как вы можете бить девушку?

Постепенно Ынсе начала привыкать к тому, что с ее памятью творятся странные вещи. Но все эти дежа-вю, которые начались с тех пор, как она встретила Чжехи,

не имели сейчас значения. Важно было лишь то, что было перед глазами.

Чхульчжун оторвал от себя руку Ынсе и в ярости вскочил, отодвинув стул так резко, что он покачнулся и с грохотом опрокинулся на пол. На этот раз удар Чхульчжуна пришелся по лицу Ынсе. Раздался хлесткий звук пощечины. Ынсе не смогла удержаться на ногах и упала. Шокированные посетители уставились на происходящее. Подбежала хозяйка, которая до этого читала книгу за кассой.

– Что вы делаете?! – закричала она.

– Отпусти меня! – молодой человек сбросил руку пытавшейся вмешаться хозяйки и, наклонившись, схватил Ынсе за воротник. В этот момент оторвалась силиконовая грудь, которая была закреплена внутри ее лифчика. Чхульчжун застыл, держа в руке мягкую силиконовую накладку телесного цвета. Хотя он, кажется, не понял, что это такое, было очевидно, что Ынсе вот-вот раскроют. Чжехи, которая стояла чуть поодаль, какое-то время переводила взгляд с Ынсе на накладку и обратно, а затем подошла, выхватила ее из рук Чхульчжуна и засунула себе в карман.

– Что это за хрень? – спросил Чхульчжун.

– Не твое дело.

Не обращая на него внимания, Чжехи протянула руку лежавшей на полу Ынсе. Ее взгляд как будто говорил: «Теперь все в порядке», и Ынсе поняла, что девушка узнала в ней школьника из автобуса. Она крепко ухватилась за руку Чжехи.

* * *

Ким Чжехи и Кан Чхульчжун. Ынсе пробормотала про себя эти имена, идя по перерытой из-за дорожных работ дороге. Как она ни ломала голову, она не могла вспомнить, откуда знала эти имена.

Идти по асфальту, где тут и там зияли выбоины, было неудобно, а безлюдность улицы производила гнетущее впечатление. В сопровождаемом неприятным электрическим поскрипыванием унылом свете уличных фонарей контуры

предметов казались причудливыми, от чего пустынный переулок делался словно бы еще более мрачным. Казалось, такое освещение способствовало росту преступности в этом районе куда больше, чем могло бы его полное отсутствие. Внезапно у Ынсе возникло ощущение, что она уже думала те же самые мысли, идя по той же самой дороге. Она встряхнула головой, пытаясь избавиться от наваждения.

В ветеринарной клинике «Херим» ярко горел свет. Когда Ынсе шла по этому переулку, она обычно заглядывала в окна, чтобы посмотреть на забавных котят и щенков в странных колпаках. Перед зданием стояло частное такси с включенными фарами. Двери клиники открылись, и оттуда вышли сама ветеринар Херим и ее жених, водитель такси. Оба держали в руках пластиковые контейнеры, которые они сгрузили в багажник машины.

– Здравствуйте! – Ынсе, как обычно, поприветствовала их.

– О, привет, Ынсе! – водитель такси с улыбкой обернулся в ее сторону. У Ынсе даже поднялось настроение оттого, что он обратился к ней по имени.

– А куда вы так поздно едете? – спросила Ынсе.

Стоило ей сказать это, как она оцепенела. Она заранее знала ответ ветеринара.

«В деревню “Край земли”. У них там нет ветеринара, так что я езжу туда помогать», – пробормотала Ынсе про себя.

– В деревню «Край земли». У них там нет ветеринара, так что я езжу туда помогать, – вслух произнесла Херим.

«Аааа... Да что же это такое?» – подумала Ынсе.

Эта сцена ей тоже снилась.

– А вы ее подвозите, да? – спросила она у водителя.

– Ага. Обычно упрямится, говорит, что сама доберется, но сегодня вот почему-то предложила вместе поехать.

Водитель широко улыбался, лицо его светилось от радости. Однако Ынсе было не до улыбок. У нее было состояние, при котором волосы дыбом встают.

– У вас нет ощущения, что у нас уже когда-то был похожий разговор?

Оба недоуменно взглянули на Ынсе, явно не понимая, о чем она говорит.

– Ой, не берите в голову. Я пошла.

Ынсе кивнула на прощание удивленно смотревшим водителю и ветеринару и развернулась.

Она не могла понять, почему все сегодня казалось таким странным. Ынсе завернула за угол, растерянно трясая головой.

Прямо за поворотом располагалось здание закрытого клуба, куда ходила Ынсе. Там каждый, невзирая на пол, мог исполнять песни, как мужским, так и женским голосом. Туда приходили люди разного возраста и с разными целями. Среди них были те, кто мечтал стать актером, комиком или заниматься озвучкой, а также те, кто, насмотревшись японского аниме, мечтал научиться петь голосом противоположного пола.

Очень немногие мужчины способны петь женским голосом, но Ынсе это давалось легко. Именно потому, что и мужской, и женский голос у нее выходили естественно, она работала инструктором, обучавшим новичков. За уроки она не получала никакой оплаты, но была избавлена от необходимости платить членский взнос клуба.

В школе она поневоле была изгоем, но здесь, где никто не знал ее биологический пол, она могла чувствовать себя свободно. Ее лицо и фигура были настолько женственными, что, разве только она не сняла бы штаны, никто не смог бы догадаться, что она родилась в мужском теле.

* * *

Ынсе спустилась вниз по узкой лестнице и оказалась в тускло освещенном помещении. В этом сумраке Тэчхоль, потягивая пиво, слушал оглушительно громкую гитарную музыку. Играла "The Messiah Will Come Again" Роя Бьюкенена. Тэчхоль слушал ее настолько часто, что ему давно уже должно было надоест, но он включал ее снова и снова. Дошло до того, что стоило Ынсе услышать его имя, как у нее в ушах начинала звучать эта мелодия.

Он окончил отделение восточной живописи Художественного института, но сидел без работы. Не было похоже, что он вообще ее искал. Можно было подумать, что он из богатой семьи, раз владеет таким заведением, будучи безработным. Но так совсем не казалось, когда он без конца занимал у членов клуба. Судя по тому, как он постоянно выпрашивал деньги, он явно быстро транжирил все, что получал в качестве членских взносов. Так или иначе, а Ынсе он не нравился. Однажды рассказывая о себе на встрече клуба, Тэчхоль заявил, что хотя раньше он грезил о том, чтобы стать художником, специализирующимся на восточной живописи, больше он не тратит время на такие непрактичные мечты. Судя по его виду, он очень хотел, чтобы его спросили, а какие мечты практичные, но никто этого не сделал.

- О, привет! - сказал Тэчхоль, открывая новую банку пива. На Ынсе он даже не взглянул.

Должно быть, потому что было уже поздно, в клубе был только он. На полу были раскиданы пустые стеклянные бутылки из-под виски, алюминиевые пивные банки, порванные пакеты от сушеных кальмаров и коробки из-под раме́на быстрого приготовления. В этом похожем на свалку месте Ынсе и Тэчхоль тоже казались мусором.

- А Сугён не придет? - спросил Тэчхоль, открывая банку пива.

- Почему ты меня об этом спрашиваешь?

- Дай ее телефон.

Тэчхолю нравилась Сугён. Он, всегда такой бесцеремонный с другими, перед ней как будто терялся.

– Я собираюсь здесь сегодня переночевать. Больше никого нет, так что, если ты уйдешь, я смогу спокойно поспать. Если уйдешь, завтра дам ее телефон.

– Завтра?

– Да, завтра.

– Бля, почему завтра?

Тэчхоль отбросил пустую банку. В стакане густо пенилось пиво.

– Да что ты так дергаешься? Я же сама не знаю ее номер. Завтра придет – спрошу.

Тэчхоль обнажил в усмешке пожелтевшие от постоянного курения кривые зубы. Было очевидно, что он пьян. У него было худое лицо с выступающими скулами и впалыми щеками, и единственной привлекательной чертой были большие черные глаза с двойным веком. Но и то, когда он улыбался, кожа под ними некрасиво обвисала, словно лапша удон, а зрачки беспокойно бегали.

– Ну, решай, уходишь? Нет? Не хочешь – не надо.

– Ухожу, ухожу. Но мне тоже идти некуда, так что дай хотя бы двадцатку.

Посверлив Тэчхоля негодующим взглядом, Ынсе достала кошелек, вынула оттуда две купюры по десять тысяч вон и протянула ему.

Тэчхоль, по своей привычке, сложил пальцы в кулак, а затем большим и указательным взял у нее купюры и с непринужденным видом положил в карман. Затем он усмехнулся и громко проговорил: «Кадешбарнеачреззеред*». Это напоминало странное заклинание на непонятном языке – он не был похож ни на английский, ни на японский. У Тэчхоля был сиплый и грубый голос. Ынсе он казался на редкость неприятным типом. Стоило дать ему деньги, как он, будучи владельцем клуба, тут же безропотно покидал свое обиталище. Трудно было понять, было это следствием отзывчивости или глупости.

Ынсе налила горячую воду в лапшу быстрого приготовления, села перед компьютером и включила фильм «Солдатская девушка». Героиня этого фильма, Кальперния, была трансгендерной женщиной, которая находилась в процессе перехода. Она уже сделала себе грудь, но гениталии оставались мужскими. Она была такой красивой и изящной, что даже Ынсе не могла оторвать от нее глаз. Ей хотелось стать такой же грациозной и женственной, как героиня этого фильма. Хотя Ынсе смотрела его далеко не впервые, она и в этот раз замороженно наблюдала за изящными движениями ее рук, тем, как светятся ее глаза и как двигаются красивые губы, когда она что-то проникновенно говорит. Если слово «завораживающий» можно было бы применить только к одному случаю, это относилось бы к актерской игре Ли Пейса, исполнившего роль Кальпернии.

«Если я сделаю операцию и стану настоящей женщиной, смогу ли я встретиться с таким мужчиной, как Бэрри?» – спрашивала себя Ынсе.

Она планировала сделать операцию по смене пола в следующем году, когда ей исполнится двадцать лет, но пока она смогла накопить только на маммопластику[1 - Увеличение груди и ее коррекция (прим. переводчика)]. Когда она впервые посмотрела «Солдатскую девушку», она начала искать на YouTube видео с Ли Пейсом. Она тогда подумала, что он, должно быть, сам трансгендер, раз смог так безупречно вжиться в роль, но это оказалось не так. Этот актер был цисгендерным мужчиной. Ынсе выключила фильм до того, как началась сцена, где Бэрри жестоко убивают, и села есть разбухшую лапшу. Хотя это и был всего-навсего фильм, он был снят на основе реальных событий, поэтому она не могла спокойно смотреть на сцену убийства.

После того как Ынсе поела, ее начало клонить ко сну – усталость полностью ее охватила. Закрыв рот рукой, она широко зевнула. Лежа съежившись на диване, она начала размышлять, почему у нее то и дело возникает странное чувство, что вокруг нее все повторяется, но довольно скоро уснула.

Вдруг входная дверь резко распахнулась, и отец, держа в руке горящий деревянный крест, с криком «Кадешбарнеачреззед» бросился на нее. Из его красных глаз лилась кровь.

– Ааааа!

Ынсе с криком проснулась.

– Кадешбарнеачреззеред... Хи-хи-хи.

Полностью раздетый, пьяный вдрызг Тэчхоль трогал ее грудь.

Ынсе укусила его за нос.

С воплем он откатился по бетонному полу. Задрал зад и приложив руки к пострадавшему лицу, он громко закричал:

– Бля... Да ты, сука, мужчина!

Ее раскрыли. Сердце оборвалось от страха.

Ынсе стремглав выбежала из клуба.

И реальность, и сон – все для нее было адом.

* * *

Время уже приближалось к 11 ночи. Ынсе вышла на автобусной остановке в районе Мёнхвадон, где находился ее дом, и с потерянными глазами застыла на дороге. Почему-то она уже знала, что случится, когда она вернется домой, хотя она и не могла понять, откуда ей это известно.

Во сне, когда Ынсе туда пришла, рольставни на дверях овощного магазина «Вера», который принадлежал их семье, были полностью опущены. Ынсе открыла заржавевшую железную дверь, которая отделяла торговый центр «Новый мир» от соседнего жилого здания, и вошла. Дом был полностью пропитан запахом крови. Ванная походила на кровавый ад. Отец угрозами заставил Ынсе помочь ему расчленивать труп. Он несколько раз ударил ее, и ей пришлось подчиниться. Он положил голову шестой жертвы в черный пакет вместе с кимчи и, уходя из дома, велел ей прибрататься до его возвращения.

После его ухода Ынсе в каком-то отрешенном состоянии открыла окно ванной, затем полила весь дом, включая ванную, бензином и вышла на улицу. Через открытое окно виднелась кухня. В темном помещении мерцал только синий огонек, горевший на электрической рисоварке.

«Надо же, в этом, похожем на пещеру, темном доме последним остался живым огонек рисоварки. словно символ, что люди живут ради того, чтобы есть. При этом они еще и истязают других, и сами в итоге страдают от этого», – размышляла Ынсе. Она ухмыльнулась, подумав, что ее жалкая жизнь похожа на этот самый огонек рисоварки, после чего подожгла давным-давно повешенные мамой занавески на окне ванной.

Она бежала изо всех сил, боясь, что отец может ее поймать, и в итоге добралась до станции метро, которая находилась недалеко от Университета иностранных языков. Почувствовав сильную жажду, она зашла в круглосуточный магазин, чтобы купить воду, и там увидела тот самый выпуск новостей, где говорили о том, что обнаружили шестую голову.

Ынсе захотелось проверить, было ли все это сном или произошло на самом деле.

Она направилась домой.

* * *

В темном переулке было очень тихо. Электрическая лампочка, висевшая на ограждении торгового центра «Новый мир», горела холодным синим светом. В этом старом здании на первом этаже располагались магазин овощей и мясная лавка. К ним были пристроены жилые помещения, отделяемые от торговой части небольшим двором. В самом здании этажи со второго по четвертый были торговыми, а на пятом и шестом располагались квартиры, с балконами, выходившими во двор.

Рольставни на дверях магазина овощей, принадлежавшего семье Ынсе, были полностью опущены. Поэтому Ынсе вошла через железную дверь, ведущую во двор, которым они пользовались совместно с владельцами мясной лавки. Он был завален кучей разного хлама: везде были раскиданы сломанные деревянные лотки, заржавевшие железные стулья и куски разбитого кирпича. Во дворе

стоял отвратительный запах гнили и канализации.

Ынсе, стараясь не издать ни единого звука, открыла дверь и проникла в дом. В комнате отца было темно. Во всем доме было тихо. Это была очень странная тишина. Из-под дверной щели ванной пробивалась полоска света.

Стоило ей сделать шаг в ту сторону, как в нос ей ударил непонятный запах. Он был не из тех, что обычно можно почувствовать в жилом доме. Источником была ванная.

Когда Ынсе открыла дверь и шагнула внутрь, вонь стала совсем невыносимой. Как раз когда ей пришло в голову, что это может быть за запах, перед ней уже открылись залитые кровью белые плиты ванной. На полу лежал труп. Это была полностью обнаженная женщина, голова которой находилась в черном пакете. «Господи, что это?!» – Ынсе остолбенела от ужаса.

Ноги подкосились, а затем и все тело начало дрожать как осиновый лист. Она почти что рухнула на пол. Отец, который сидел на корточках и ножом разрезал труп, поднял голову и сердито посмотрел на Ынсе. Но его лицо быстро начало расплываться перед ее глазами. Ынсе не могла сосредоточиться: ее сознание ускользало, словно песок сквозь пальцы.

* * *

– Поезд прибывает. Уважаемые пассажиры, отойдите от края платформы.

Перед глазами Ынсе, отрешенно сидевшей на лавочке, резко возникла и исчезла синяя вспышка. Повторно прозвучало объявление.

Станцию сотряс грохот прибывающего поезда.

Взгляд Ынсе упал на мужчину, который с каким-то растерянным, отсутствующим видом обернулся в сторону, откуда доносился звук.

– ...!

Ынсе рефлекторно встала и побежала к нему именно в тот момент, когда он, пошатнувшись, чуть не упал на рельсы. Послышались испуганные крики пассажиров. Все произошло молниеносно. Схватив мужчину, Ынсе отлетела на другую сторону платформы и ударилась головой. Она почувствовала, как затылок намок от крови и влажных кусков оторвавшейся плоти. По лицу ее тоже струилась кровь. Левая нога Ынсе изогнулась под странным углом. Она была в сознании, но не могла пошевелиться.

Глядя на нее, люди кричали от ужаса. Откуда-то издалека бежали дежурные по станции. Мужчина, который, казалось, благодаря ей не пострадал, держал ее в руках и громко кричал: «“Скорую”, вызовите “Скорую”!» С сильно побледневшим лицом он смотрел на Ынсе. Их взгляды встретились.

Лицо молодого человека было искажено ужасом, но черты показались Ынсе знакомыми. Да и весь этот момент, все это как будто уже происходило. Конечно, события совпадали не полностью, но она точно уже однажды пыталась его спасти.

«Что со мной происходит?» – недоумевала Ынсе.

Молодой человек, заливаясь слезами, шептал извинения. Но Ынсе и не думала обижаться. Это было ее решением. Она улыбнулась ему, стараясь дать понять, что не держит на него зла.

«Это очень странно. Я же была в ванной. Как я могла неожиданно оказаться в метро?» – мысли в голове Ынсе беспорядочно метались. Была поздняя ночь, а сейчас сквозь окна наземной станции пробивались солнечные лучи. «А как я заранее поняла, что он хочет броситься под поезд? Откуда я знала имена Ким Чжехи и Кан Чхульчжун? Звонок от мамы...»

Именно в тот момент, когда ее спутанное сознание начало угасать, взгляд Ынсе внезапно вновь оживился. Она начала лихорадочно ощупывать карман куртки.

– Что вы ищете? Нельзя вам двигаться.

– Мой мобильный...

Трррынь. Трррынь. Откуда-то донесся звонок мобильного Ынсе. Она вспомнила, что уже удивлялась, как он может звонить, если она ставила на беззвучный. У нее вновь возникло странное чувство, что она проживает сегодняшний день во второй раз.

Молодой человек, оглядевшись по сторонам, заметил валявшийся на платформе телефон Ынсе.

- Подождите, не теряйте сознание.

Мужчина аккуратно опустил ее, пошел за телефоном, принес и положил в ее руку.

- Мне так жаль, мне правда так жаль.

Он плакал.

Ынсе нравилось его лицо, даже перекошенное от рыданий.

Именно в этот момент она осознала. До сих пор она всячески пыталась понять, что происходит, но думала только, что это дежа-вю из-за сна. Однако вспомнив, как ответила тогда на мамин звонок, сразу все поняла. Это был не сон. Это действительно произошло.

Ее единственным способом выжить было ответить на звонок погибшей мамы. Она ухватилась за эту мысль. Как только она вернется в субботу, все, что произошло сегодня, исчезнет и она сможет заново прожить этот день.

Это был ее единственный шанс. Было уже не важно, кто ей на самом деле звонил: отец, который притворялся мамой, чтобы ее поймать, или действительно мама. Главное, что, ответив на звонок, она могла вернуться в субботу.

Ынсе нажала кнопку «принять», с трудом подняв руку, приложила трубку к уху и из последних сил произнесла:

- Мама?

Вторая суббота

Ынсе дернулась и открыла глаза. Как она и ожидала, очнулась она в автобусе. Девушка прикусила нижнюю губу. Стараясь усмирить бешено бьющееся сердце, она посмотрела на свое отражение в окне автобуса. На ее лице, которое многие люди называли красивым, не было ни одной капли крови, только лишь сияли блики от солнечных лучей, скользивших по чистому стеклу.

Она потрогала затылок, который еще пару минут назад был мокрым от крови и отслаивавшихся кусков кожи, но пальцы ее ощутили лишь мягкие шелковистые волосы. Ынсе невольно захихикала. И нога, что была сломана и странно изогнута, тоже оказалась здоровой.

«Как это возможно?» – изумленно подумала Ынсе.

Она посмотрела на наручные часы и проверила время. 12.30 дня, суббота.

Судя по всему, это и правда был не сон, и она на самом деле вернулась назад во времени, переместившись из метро в автобус. Поскольку она вернулась обратно в субботу, воскресные травмы с ней еще не случились. К тому же на станции метро Ынсе была в обычной одежде, а сейчас была одета в мужскую школьную форму.

«Ничего себе!» – воскликнула она про себя.

От сильного удивления она сидела, глубоко задумавшись, с полуоткрытым ртом.

«Если я отвечаю на звонок мамы, то возвращаюсь в субботу. Со станции метро в автобус, из утра воскресенья 8 июня в субботу 7 июня, примерно в 12.30. Значит, из будущего в прошлое», – размышляла она.

Конечно, разница была всего один день, но одно было ясно – день этот повторялся.

Ынсе оглянулась в поисках Чжехи. Та стояла, держась одной рукой за поручень, и читала книгу в мягкой обложке.

«Сегодня она умрет», – подумала Ынсе и глаза ее заблестели. – «Я бы не могла этого знать, если бы суббота не повторялась».

– ...

Ынсе тихо улыбнулась.

Ради нее Чжехи отняла у Чхульчжуна и спрятала силиконовую грудь. Увидев эту накладку, она явно поняла, что Ынсе из тех «ненормальных», что переодеваются в девушек, но отнеслась к ней с сочувствием и даже решила оградить от унижения, как будто из женской солидарности. От позорного разоблачения ее спасла именно стремительная реакция Чжехи, сумевшей понять ее чувства, в то время как Чжехи, подобно многим, могла посчитать ее каким-то выродком. Ынсе чуть не заплакала от переполнивших ее чувств.

До этого Чжехи была для нее просто несчастной, погибшей от рук отца, изуродованным трупом в ванной, но теперь Ынсе начала испытывать к ней теплые чувства. Она стала иметь для нее особое значение.

Конечно, кто знает, почему такая девушка, как Чжехи, курит, скрываясь в туалете, и плачет, терпя пощечины от Чхульчжуна, но что Ынсе знала точно, так это то, что Чжехи явно не была малодушным человеком, способным молчать при виде несправедливости или просто пройти мимо. Она была смелой девушкой.

«Мой отец действительно убил всех шестерых? Может, я могу вернуться во времени к моменту первого убийства?» – задумалась Ынсе.

Но она инстинктивно почувствовала, что это невозможно.

«До сих пор повторялись только суббота и воскресенье. Значит, я не могу вернуться к моменту гибели мамы или во времена до моего рождения. Непонятно, почему я вообще оказалась в такой временной петле, но, может быть, по крайней мере, эту девушку смогу спасти», – Ынсе очень хотелось, чтобы Чжехи выжила.

Она спокойно посмотрела на завибрировавший мобильный. Она уже знала, как будут разворачиваться события. Отец звонит потребовать, чтобы Ынсе не возвращалась домой, чтобы у него было время убить Чжехи и расчленить труп.

«Поскольку я знаю, почему он мне звонит, я нанесу удар первой», – решила Ынсе.

Она взяла мобильный и еще раз проверила время и дату на экране. Суббота, 7 июня. Ынсе нажала кнопку «ответить».

– Ты где?

С другого конца провода донесся грубый голос отца.

– Ты что, Ангел-каратель?

Ынсе намеревалась напугать отца и остановить убийства. Люди, стоявшие вокруг нее, услышав прозвище серийного убийцы, о котором только что говорили в новостях по радио, ошарашенно посмотрели на Ынсе.

– Откуда ты узнал? – после короткой заминки ответил отец. В его голосе почувствовалось напряжение.

– Ты намереваешься убить сегодня вечером шестую жертву, так?

– Откуда ты знаешь? Немедленно отвечай!

– Божье откровение.

– Божье откровение? – отец немного поколебался и добавил: – Она осквернила имя Божье.

– Что она такое сказала?

– Опошлила Его имя.

- Все же говорят, что Ангел-каратель убивает только врагов общества, не так ли?

- Ну, это...

- Как только ты убьешь шестую жертву, ты совершишь непоправимый грех. Ты не только не попадешь в рай, тебя даже в ад не пустят. Если убьешь ее, быть беде.

- Беде? Тебе было сказано, что беда придет? Он так не говорил...

- Он? Кто это он?

- Тебе точно было Божье откровение? Давно у тебя их не было.

- ...

- Ты, сукин сын, отвечай скорее!

Отец начал орать на другом конце провода, требуя немедленного ответа. Ынсе совсем не хотелось это слушать, поэтому она держала телефон подальше от уха, но крики продолжались. Раньше, когда он угрожал Ынсе, отец всегда говорил, что, если она не послушается, он поколотит маму. Когда та погибла, он начал говорить, что расскажет всем, каким выродком является Ынсе. Просто удивительно, что отец всегда находил способ ей угрожать. Ее передернуло от отвращения.

Вместо ответа она бросила трубку. Взгляды удивленных пассажиров были устремлены на нее. Когда Ынсе с вызовом посмотрела вверх, мужчина, который стоял прямо над ней, начал передвигаться в поисках другого места.

Божье откровение было ложью. Ынсе уже не раз устраивала отцу этот спектакль.

Он, однако, ей верил. Хотя в отношениях с людьми он был очень хитрым, когда дело доходило до религии, готов был слепо поверить чему угодно.

Отец был самым сильным и страшным среди мужчин, которых знала Ынсе. Да и он сам всегда говорил, что ему в этом мире страшиться нечего. Однако все же было два существа, которых он очень боялся: Бог Отец и Спаситель Христос.

Однажды Ынсе пришло в голову, что, чтобы защитить себя и маму от деспота-отца, нужно стать человеком, который связан с Богом. В каком-то смысле это напоминало то, как некоторые дети стараются всегда быть на стороне самого сильного в классе.

Это случилось во время летних каникул в девятом классе. Поздним вечером в субботу она смотрела по телевизору «Страсти Христовы». Она невольно закусила нижнюю губу, когда ей наконец пришел в голову тот самый способ, который способен был сделать ее ближе к Богу в глазах отца.

После этого Ынсе тренировалась повторять жесты и манеру речи актера, игравшего Иисуса, и даже выучила несколько реплик. Потом она нашла на YouTube видео, связанные со снисхождением божественных откровений, и позаимствовала оттуда некоторые реплики. Однажды ей представился шанс продемонстрировать отцу свой свежоотточенный навык.

У них была одна соседка, которая всегда с мрачным выражением лица сидела на корточках в углу крыши и курила. Ынсе совсем не нравилось, когда отец интересовался этой женщиной, и ее больше всего раздражало то, как та широко улыбалась в ответ. Когда отец с широкой улыбкой заявил, что должен донести до нее Слово Божье, Ынсе сказала ему, что это ни к чему.

– Эта женщина скоро покончит с собой, – пояснила она.

Эти слова вырвались, потому что она хотела сделать больно отцу, но они при этом не были лишены основания.

В то время чуть ли не раз в два дня в новостях рассказывали о самоубийствах женщин, страдавших от депрессии. В поведении соседки можно было отметить признаки подобного состояния. Еще в новостях говорили, что эти женщины в основном кончали с собой вместе с детьми, что тоже вполне вязалось с ее мрачным видом.

– Что? – испуганно переспросил отец. Ынсе с уверенностью добавила, что эта женщина покончит с собой вместе с ребенком.

– Сукин сын, откуда тебе это знать? – спросил отец.

«Слышала в новостях», – подумала Ынсе про себя.

– Божье откровение.

Она соврала отцу, что во время молитвы на нее снизошло откровение.

Когда отец начал требовать сказать правду, Ынсе испугалась, но решила, что, если соседка не покончит с собой, всегда можно будет сказать, что Бог передумал и это тоже проявление Его воли. И все. В конце концов, отец и сам всю жизнь так говорил, поэтому не будет сомневаться. Однако, к большому удивлению Ынсе, эта женщина действительно покончила с собой. Она спрыгнула с крыши, держа в руках своего трехлетнего ребенка.

Ынсе сама была поражена, когда ее выдумка, базировавшаяся на подспудных ощущениях, осуществилась с такой точностью, словно это и правда было божественное откровение.

Как бы там ни было, но отец после этого случая стал смотреть на нее по-другому и вести себя осторожнее.

После этого Ынсе стала увереннее и с еще большим увлечением принялась оттачивать свои актерские навыки.

Это был день, когда отец вернулся домой пьяным. Как только он зашел в прихожую, он начал громко орать и звать маму. Чтобы защитить ее от побоев, Ынсе решила прибегнуть к своему трюку с божественным откровением. Как только отец достал кожаный кнут, она закатила глаза так, чтобы были видны только белки, и начала трясти руками и ногами. Это скорее напоминало эпилептический припадок, но Ынсе старалась, чтобы отец поверил, что на нее снисходит откровение.

– Что с этим сукиным сыном?

Ко Чжимён сощурил глаза и, подняв сползшие на нос очки, пристально уставился на Ынсе.

Та, несколько раз хлопнув веками, рухнула на пол, а через несколько секунд поднялась как ни в чем не бывало. Ко Чжимён оторопело смотрел на нее.

– Не бей маму. Бог сказал, если будешь продолжать ее колотить, он тебя бросит, – сказала Ынсе.

Перепуганный Ко Чжимён, шатаясь, направился в свою комнату для молитвы и закрыл за собой дверь. Обрадованная Ынсе посмотрела на маму. Та молча обняла ее, а потом сказала:

– Делай так, только когда отец пьян, иначе он тебя раскусит.

Ынсе пообещала. С этого дня она еще усерднее тренировалась изображать божественное откровение. Она брала в библиотеке книги о религиях и много читала о людях, одержимых духами, намереваясь освоить их поведение, манеру речи и выражения лиц.

Однако после того, как мама погибла в автомобильной аварии, Ынсе по мере сил избегала отца, и поскольку уже не стало человека, которого нужно было защищать с помощью спектакля с божественным откровением, это увлечение постепенно забылось.

* * *

Автобус остановился. Люди выходили и заходили. В поле зрения Ынсе попался самоуверенно проталкивавшийся сквозь пассажиров Чо Дусок. Когда их взгляды встретились, он усмехнулся.

«Даже если я сейчас на этом месте убью его, я не стану убийцей», – подумала Ынсе.

Она вынула из сумки канцелярский нож и положила в карман. Ее алые губы, уголки которых до этого были грустно опущены, растянулись в холодной улыбке.

Заметив Ынсе, Чо Дусок направился к ней. Она не отводила взгляд. Это отличалось от того, как она вела себя обычно. Дусок с ухмылкой подошел к Ынсе. Вид у него был донельзя довольный, видимо, потому что он нашел себе жертву.

- Эй, девка, куда едешь? - спросил он, ухватившись за поручень.

Именно в этот момент Ынсе головой ударила Дусока по лицу. Тот схватился за нос, изо всех сил стараясь терпеть боль, и ошарашенно уставился на нее, пытаясь понять, что случилось. Из носа у него пошла кровь.

- Сука сумасше...

В этот момент Ынсе ударила его второй раз. На этот раз Чо Дусок чуть не упал. Когда он пошатнулся, Ынсе изо всех сил ударила его ногой по груди. Именно в этот момент автобус остановился. Чо Дусок рухнул на пол к ногам пассажиров.

Нож даже не понадобился. Он был не таким сильным, как она думала. Сквозь толпу на Ынсе смотрела Чжехи.

«Не бойся, я найду способ тебя спасти. Не ради тебя, а чтобы спасти саму себя», - подумала Ынсе.

Ынсе улыбнулась Чжехи и вышла из автобуса. Настроение у нее улучшилось. Когда автобус тронулся, Чо Дусок открыл окно, высунул верхнюю часть туловища и с выпученными глазами заорал:

- В понедельник увидимся в школе, выродок! Тогда я тебя и прикончу!!

Ынсе левой рукой ударила локоть правой и подняла средний палец.

«Как хочешь. А я могу и дальше отвечать на звонок мамы и вместо понедельника возвращаться в субботу».

* * *

Ынсе спустилась в метро, на станцию рядом с автобусной остановкой. Она остановилась, села на корточки, достала мобильный телефон и открыла список контактов.

Там было всего несколько номеров: «Мудак-отец», «Владелица кафе», «Мама».

Ынсе не стерла номер телефона мамы даже после ее смерти, хотя по нему уже нельзя было позвонить. Она не могла его удалить – казалось, что так она как будто сотрет часть памяти о ней. Внезапно Ынсе осознала, что даже не поинтересовалась, куда делся мамин мобильный после ее смерти.

Мама, с которой они договорились встретиться в аэропорту, не приехала, хотя прошло несколько часов с назначенного времени. Ынсе несколько десятков раз звонила, но ответа не было. Подумав, что отец наверняка поймал маму, когда та уходила из дома, Ынсе вышла из аэропорта. Ей не было обидно из-за сорванной поездки. Она вернулась домой, чтобы спасти маму от побоев отца. Она твердо решила, что сделает так, чтобы отец маму и пальцем больше не тронул, даже если за это ее отправят в колонию для малолетних. Однако когда она вернулась домой, магазин был закрыт.

Она позже узнала, что автобус, на котором мама ехала в аэропорт, попал в аварию, и она погибла на месте. Отец, которому полицейские сообщили о трагедии, поехал забрать тело, куда-то перевез труп и похоронил. Ынсе он с собой не взял и не сказал даже, где могила матери.

Поскольку Ынсе не видела ее похороны, когда поступил звонок от мамы, она даже на секунду подумала, что та может быть жива. В таком состоянии она и ответила на звонок. Когда сквозь помехи донесся женский голос, она произнесла «мама» и попала во временную петлю.

«Возможно ли повторить это в другое время?» – задумалась Ынсе.

Размышляя об этом, она позвонила по номеру мамы. Звонок шел. Сердце бешено заколотилось. Она напряженно ожидала, думая, какой голос услышит в трубке. Наконец гудки прекратились, и Ынсе напряженно застыла, ожидая, чтобы заговорили на другом конце провода.

– Этот номер отсутствует... – прозвучал голос машины.

«Черт, – расстроилась Ынсе. – Значит, временная петля случается, только когда я отвечаю на звонок мамы. Видимо, в ней есть свои правила».

Именно в этот момент кто-то, указывая на нее, закричал.

– Это тот мальчик!

Какой-то тип тыкал в Ынсе пальцем. Рядом с ним стоял высокий мужчина с густыми бровями. На его поясе висел полицейский жетон. Видимо, он был детективом. А второй наверняка был пассажиром автобуса. Должно быть, он заявил в полицию, услышав ее разговор с отцом. Мужчина и детектив вместе побежали в сторону Ынсе. Та стремглав бросилась прочь.

Так как она отвечала отцу довольно вызывающе, если она вернется домой, ей не жить.

С другой стороны, поскольку она сказала ему, что получила божественное откровение, может быть, он не убьет Чжехи. Однако, если она все равно умрет, надо будет еще раз попасть в петлю и придумать другой способ. У Ынсе была уникальная возможность – временная петля, позволявшая менять то, что уже произошло.

В любом случае новости о Чжехи можно было услышать только утром следующего дня, а сейчас она не могла узнать, каким будет результат ее телефонного разговора с отцом.

Поскольку нужно было дождаться воскресенья, когда появится возможность, если что, вернуться в субботу, чтобы изменить прошлое и будущее, ей захотелось пока заняться чем-то другим. Убежав от детектива, Ынсе решила поехать в район Итхэвон, где давно мечтала побывать. Она решила прогулять подработку и отправиться туда. Вообще несовершеннолетних туда не пускали, но она подумала, что это можно решить с помощью густого макияжа.

Для того чтобы попасть в Итхэвон, Ынсе должна была выглядеть старше, поэтому она зашла в ближайший магазин одежды. Сначала она думала купить красное платье, но, вспомнив Кальпернию из фильма «Солдатская девушка», выбрала более классический образ: серую юбку и белую блузку. Ынсе

понравилось, что на юбке было два больших глубоких кармана. В том же магазине она купила и туфли на высоком каблуке. Оплачивая покупки, она подумала, что, когда вернется в субботу, деньги опять окажутся в ее кошельке. Эта мысль ее воодушевила.

Ынсе достала вещи, которые находились в камере хранения у общественного туалета, и зашла туда, чтобы переодеться и нанести макияж. Накрасившись, она посмотрела на свое отражение. Перед ней была девушка даже более красивая, чем Кальперния. Ынсе улыбнулась так широко, что стали видны ее белые зубы.

Она надела сумку на плечо и крепко схватила мобильный в кармане юбки.

Она мечтала хотя бы разок посмотреть на такую сцену, как та, на которой Кальперния пела под фонограмму в фильме «Солдатская девушка». Хотя Ынсе все еще немного переживала за Чжехи, она уже села на автобус, идущий до Итхэвона.

* * *

Ынсе вышла из автобуса в вечно переполненном корейцами и иностранцами районе Итхэвон и, свернув в переулок, где были сконцентрированы бары для трансгендеров, принялась осматриваться. Повсюду были видны яркие, причудливые здания.

Перед барами тут и там стояли трансгендерные женщины, зазывавшие клиентов. Они привлекали к себе внимание мужчин полуобнаженными грудями или вызывающими позами. Ынсе увидела, как в соседнем переулке сильно пьяные транс-женщины, держась за руки с мужчинами, громогласно призывали выпить еще по одной. Их одежда и макияж были очень яркими и даже пугающими, и это производило какое-то гнетущее впечатление. Первоначальное любопытство Ынсе стало понемногу сходить на нет, по мере того как она начала думать, что именно это – реальность взрослых трансгендеров.

«Неужели и мне тоже придется так жить, когда я стану взрослой и сделаю операцию?» – ужаснулась она про себя.

Именно в тот момент, когда она уже подумала, что стоит уйти, ее внимание привлекла вывеска на одном из баров – «Солдатская девушка».

Как только она увидела это название, у нее перехватило дыхание. Ведь это означало, что человек, давший имя этому бару, тоже смотрел фильм «Солдатская девушка». Ынсе захотелось увидеть его или ее.

Зайдя в бар, она сразу попала в просторный зал, в центре которого была сцена, на которой танцевали несколько трансгендеров. Возможно, потому что время было еще раннее, большинство столиков пустовало, однако взгляды всех присутствующих были прикованы к сцене.

Ынсе подошла к столику в самом углу и села.

Девушка, которая пришла принять заказ, сначала пристально посмотрела на Ынсе, а затем положила меню на стол и села рядом с ней. Она точно была уже женщиной, с лицом, на котором были заметны следы пластической операции, округлыми ягодицами и сильно обнаженными женскими грудями.

– Я Мёнхи, – представилась она.

– Меня зовут Ынсе.

– А у тебя деньги-то есть? Ты знаешь, сколько здесь стоит самое дешевое пиво?

– Д-д-деньги у меня есть.

– Ой, классный голос у тебя. Ты принимаешь гормоны?

– Нет.

– У тебя без гормонов такой голос?

– Да.

– Ой, ой, ничего себе.

Ынсе опустила голову, почувствовав прилив гордости. «Не зря же я работаю инструктором в клубе «Два голоса».

- Так, тебе еще не делали операцию. Меня не обмануть. Твои груди не настоящие же? – спросила Мёнхи, без стеснения разглядывая грудь Ынсе.

- ...

- Что, ты тоже хочешь заработать деньги на операцию?

«Нет, я пришла сюда увидеть трансгендерную женщину, похожую на Кальпернию».

- Да, я поэтому подрабатываю в кафе.

- Пхахахаха, – расхохоталась Мёнхи.

- ...?

- Если ты собираешься делать операцию на деньги с подработки в кафе, то сделаешь, разве что, когда бабушкой станешь. Однако тут... Давай-ка посмотрим, ты сможешь за одну ночь заработать несколько миллионов вон.

- П-правда?

Мёнхи рассмеялась.

- Ну, все-таки опасно делать сразу все операции, поэтому, как только накопишь деньги, начинай с гормонов.

- Я слышала, что гормоны не вводят без разрешения родителей.

- Так-то оно так, но есть еще подпольные способы, и даже есть люди, которые сами покупают и себе вводят. Если тебе страшно самой, приходи, я могу помочь. Хотя я сама не закончила еще переход, вводить гормоны могу.

– Не закончила?

– Глупенькая.

Мёнхи посмотрела на Ынсе как на дурочку и указала пальцем себе между ног.

– Тут почти все работают, перенося всяческие унижения, чтобы заработать деньги на операции. Потому что без денег все это очень трудно. А за короткий срок заработать много можно только этим способом.

– Что, клиенты даже бьют? – спросила Ынсе, отводя взгляд от подбородка Мёнхи, где был заметен яркий синяк.

– Само собой. Сюда ведь приходят всякие: от более-менее приличных клиентов, которые относятся к нам как к людям, до психопатов, что считают нас сексуальными игрушками, с которыми можно вытворять любые извращения. Поэтому если собираешься заниматься этой работой, нужно сразу забыть про чувство собственного достоинства. Поскольку деньги важнее гордости. Чтобы их заработать, нужно быть готовой делать все. На самом деле для нас и нет другой работы, а если внешность не очень, то даже в подобных барах места не найти. Таким приходится торговать телами на улицах, и часто дело заканчивается тем, что они подцепляют что-нибудь и погибают. Тебе повезло, ты родилась красивой.

Мёнхи курила, рассказывая Ынсе обо всем, словно заботливая старшая сестра.

– А где сейчас человек, который дал имя этому бару?

– «Солдатская девушка»?

– Да.

– Ммм... Она несколько лет назад уехала в Америку с американским солдатом. Потом они вроде расстались. Мы потеряли с ней связь.

В этот момент Мёнхи сердито позвала управляющую.

– Ты тоже иди домой. Это не для таких детишек, как ты. По крайней мере, пока.

Мёнхи ногтем с белым маникюром раздавила окурочек и встала.

* * *

Ынсе вышла из бара и какое-то время просто шла куда глаза глядят. Ей было грустно. «После операции на половом органе возможен половой акт? Можно ли считаться женщиной, если даже в полностью женском теле не можешь родить ребенка? С другой стороны, не обязательно же рожать детей? Чтобы быть счастливой, нужно встретить мужчину, который будет тебя искренне любить, и жить с ним до конца жизни. Хотя у каждого человека наверняка свои ответы на эти вопросы – все зависит от личных ценностей». Ынсе подняла голову, посмотрела на узкие и яркие, похожие на лабиринт, переулочки Итхэвона и вздохнула.

«Неужели мы не сможем выбраться из этих переулочков?»

Вернувшись в район Синчхон, Ынсе купила печенье, кровяные колбаски сунде и рисовое вино макколли и, найдя приличный мотель, сняла комнату. Она решила потратить все деньги. До сих пор она даже представить себе не могла такое расточительство, так как копила деньги на операцию. Вместо того чтобы вернуться домой к отцу, она лежала на чистой кровати мотеля и смотрела фильм «Парни не плачут».

Судя по тому, какими опухшими были ее глаза, когда она потом посмотрела на себя в зеркало, во время просмотра фильма она много плакала. Ынсе набрала ванну с пеной и некоторое время там полежала. Она выпила целую бутылку макколли, но не могла уснуть. Ее сердце сжималось от боли, стоило ей вспомнить события из фильма. Чем больше она старалась уснуть, тем меньше ей хотелось спать. Когда Ынсе увидела, что за окном мотеля начинает светать, она поднялась.

Ей вспомнился молодой человек, который хотел броситься под поезд в метро.

«Наверное, он и сегодня попытается прыгнуть на рельсы. И машинист опять разозлится и почти заплачет».

Мокрое от слез лицо молодого человека стояло перед внутренним взором Ынсе. Ей хотелось строго сказать ему, если они снова встретятся, чтобы он больше не пытался покончить с собой. Но ей пришла в голову и другая мысль. Если ей вновь доведется его увидеть, ей захотелось просто подойти к нему и молча обнять.

«Мне можно вас обнять?»

Ынсе представила, как она спрашивает его, стоя с надписью «Я обнимаю» на груди.

Каждый раз, когда Ынсе возвращалась после школы, злясь на обижавших ее одноклассников, когда она плакала из-за побоев отца и даже когда она раздражалась безо всякой причины, мама всегда ее молча обнимала. Она всегда первым делом просто обнимала. Ынсе не знала почему, но после этого неизменно происходило маленькое чудо.

Колючие иголки, которыми она покрывалась, стремясь защититься от мира, втягивались, и она могла понемногу успокоиться и посмотреть на себя со стороны. Мама это объяснила тем, что, когда сердца людей соприкасаются друг с другом, возникает какая-то положительная энергия.

Ынсе подумала, что хочет поделиться с этим молодым человеком положительной энергией. Но стоило ей вспомнить, что ее отец – убийца, как лицо ее вновь помрачнело.

* * *

Ынсе вышла из комнаты мотеля, крепко сжимая в руке мобильный. Наступило воскресенье – день, когда была возможна временная петля. Ынсе снова начала переживать из-за Чжехи.

Она зашла в круглосуточный магазин и купила там лапшу быстрого приготовления и онигири. Она медленно завтракала и ожидала новости. Пока она ела, в магазин зашли другие посетители. Спустя полчаса раздался голос ведущего, сообщившего, что у него есть срочные новости по делу серийного

убийцы Ангела-карателя.

- Нашли шестую голову.

«Черт».

Ынсе поднялась с места.

- Жертва - некая Ким, владелица ресторанчика неподалеку от Университета иностранных языков...

Слушая новости, Ынсе выбросила пустой стакан от раёна и сделала пару глотков воды.

«Тот мужчина, похоже, опять попытается броситься на рельсы», - подумала она.

Ынсе почувствовала беспокойство и стремительно вышла из магазина.

* * *

Молодой человек сидел на скамейке, закрыв лицо руками. Ынсе тихо села рядом с ним. Он выглядел старше ее на три-четыре года. Она размышляла, как лучше к нему обратиться.

Ынсе подумала, что, если начнет просто: «Меня зовут Ынсе. А вас?», он может встать с места и уйти. Вариант: «У вас есть время?» ей тоже не очень понравился. В ответ на «Почему вы плачете? Кто-то умер?» он мог разозлиться и даже залепить ей пощечину. Если спросить, не собирается ли он броситься под поезд, он наверняка ошарашенно уставится на нее.

Когда она уже подумала, что последний вариант все-таки лучше, молодой человек поднял голову и перевел взгляд на нее. Ынсе, которая до сих пор пристально смотрела на него, немного смутилась, когда их взгляды встретились, но улыбнулась спокойно. Молодой человек повернул голову в другую сторону и ладонью протер мокрое от слез лицо.

– Если бы вы могли вернуться в прошлое, какое время вы бы выбрали? – изо рта Ынсе вырвались слова, о которых она даже не думала.

Услышав неожиданный вопрос незнакомки, молодой человек долго молчал. Ынсе волновалась, ожидая, когда он ответит. В конце концов он заговорил:

– Я только что ходил на опознание трупа моей сестры.

Ынсе немного испугалась, но ожидала следующие его слова.

– Если я смогу вернуться в прошлое, я хочу вернуться в то время, когда дорогие мне люди были еще живы. Вернувшись...

На глаза молодого человека навернулись слезы.

– Вернувшись, я хочу спасти тех, кого я люблю. Жить без них...

В этот момент раздалось объявление о том, что поезд прибывает.

Мужчина обернулся в сторону туннеля. Ынсе, наблюдавшая за тем, как с лица молодого человека исчезают все эмоции, крепко схватила его за руку. Собиравшийся было подняться, молодой человек удивленно посмотрел на Ынсе.

– Если вы сейчас броситесь под поезд, что будет с машинистом, который сидит за пультом?

Мужчина продолжал с недоумением смотреть на Ынсе.

– Вы сосредотачиваетесь на своих чувствах и совсем не думаете о чужих ночных кошмарах? Это эгоистично.

Молодой человек, который был не ниже метра восемьдесят, молча смотрел на Ынсе с высоты своего роста.

Его взгляд показался Ынсе странно настойчивым.

– Я не собирался кончать с собой, – сказал он тихо.

– ...!

Что-то изменилось.

– Мы раньше не встречались? – спросил он.

Тррынь. Тррынь. Мобильник Ынсе зазвонил. Молодой человек как будто узнал Ынсе, и от этой мысли она приободрилась. Ей захотелось побыть с ним подольше.

Но Ынсе нервничала, что если звонок мамы прекратится и она не ответит, она может не вернуться в прошлое. Этого молодого человека можно будет встретить и в следующей временной петле. Ынсе слегка улыбнулась, нажала на кнопку «ответить» и произнесла:

– Мама?

Третья суббота

Очнувшись в автобусе, Ынсе поняла, что вернулась обратно в субботу, и удовлетворенно улыбнулась. Она подумала, что за всю ее жизнь с ней не случилось таких удивительных событий. В новостях говорили об Ангеле-карателе, а мобильный в руке Ынсе вибрировал.

Она сильно вытянула шею, чтобы посмотреть в заднюю часть автобуса. Там стояла Чжехи, держась за поручень, и читала книжку. «Наверное, у нее тоже есть родители или братья и сестры». Ынсе до сих пор даже не задумывалась о горе, которое испытали родные девушки после ее смерти. Она вспомнила слова молодого человека, сказавшего, что если бы он мог вернуться в прошлое, то отправился бы в то время, когда дорогие ему люди были еще живы, и спас бы их. «Как его зовут? Кто у него умер, кроме сестры? Мама, возлюбленная или друг, или, может, оба родителя?» – Ынсе хотелось узнать больше. – «В следующей временной петле надо спросить его имя».

Вранье о божественном откровении, которым Ынсе надеялась напугать отца, чтобы тот не убил Чжехи, не очень-то сработало.

Успокоив колотившееся сердце, она ответила на звонок отца. В этот раз она не стала менять обычный ход разговора. После того как тот бросил трубку, Ынсе, размышлявшая, как спасти Чжехи, набрала номер горячей линии по расследованию серийных убийств Ангела-карателя.

– Я знаю шестую жертву, которая сегодня погибнет. <...> Нет, я скажу при встрече. <...> Спросить детектива Кан Чхольмин? Хорошо.

Ынсе положила трубку. Она планировала пойти в полицейский участок, как только выйдет из автобуса.

Автобус медленно останавливался. Теперь должен был появиться Чо Дусок. Ынсе даже ожидала его появления. Ей захотелось еще раз ощутить тот трогательный момент, когда Чжехи заступится за нее.

Заметив Ынсе, Чо Дусок подошел к ней и принялся издеваться, а девушка, закрыв свою книгу, начала упрекать его. Их разговор был таким же, как в прошлый раз.

– Да, может. Может. А ты думаешь, можно вот так перед всеми выставлять на посмешище своего одноклассника? Из-за таких бесчувственных хамов, как ты, в школах столько затравленных подростков, многие из которых совершают самоубийство! – твердо произнесла Чжехи.

Ынсе очень нравилась именно эта часть, поэтому она хихикала, сидя с опущенной головой.

Ей захотелось увидеть лицо Чжехи, не боявшейся такого типа, как Чо Дусок, и дававшей ему отпор. Бросив украдкой взгляд на девушку, Ынсе сразу же немного встревожилась. Она думала, что Чжехи очень смелая, но это оказалось не так. Ее голос дрожал, кулак был крепко сжат, а на глазах даже выступили слезы. Значит, Чжехи, противостоя такому, как Дусок, тоже боялась и дрожала. Когда Ынсе увидела ее такой, сердце у нее защемило.

В этот момент водитель громко закричал: «Драться будете снаружи!» и остановил автобус.

Что ж, пора прекращать это развлечение. Ынсе резко встала и ударила Дусока головой в лицо. Чжехи испугалась и, широко раскрыв глаза, уставилась на происходящее. Ынсе схватила ее за запястье и вытянула за собой из автобуса.

Высунув туловище из окна, Чо Дусок закричал:

– В понедельник увидимся в школе, выродок! Тогда я тебя и убью!

Судя по тому, как он держался рукой за нос, кровь у него, похоже, пошла из обеих ноздрей.

Ынсе левой рукой ударила локоть правой руки и подняла средний палец.

Чжехи, которая наблюдала за действиями Ынсе, засмеялась, когда их взгляды встретились. Ынсе испытала странное чувство от того, что Чжехи, чье изуродованное тело она видела у них в ванной, смеялась, стоя перед ней. Девушка и представить не могла, что ей сегодня предстоит умереть от рук убийцы. Ей и во сне не могло присниться, что ее ожидает такое будущее.

Ынсе улыбнулась Чжехи, потому что ей приятно было видеть девушку живой.

– Спасибо вам, – поблагодарила она.

Чжехи посмотрела на Ынсе взглядом, в котором читалось много вопросов. Ынсе прекрасно понимала, что та хочет узнать.

– В каком классе?

– В двенадцатом.

– Ой, ты всего на один год младше. Давай на «ты». Меня зовут Ким Чжехи. А тебя?

Узнав, что разница между ними всего в год, Ынсе расслабилась и улыбнулась.

– Зови меня Ынсе.

Когда Ынсе пошла, Чжехи последовала за ней.

– Ты родилась очень красивой, хоть и в мужском теле. А голос вообще как женский.

– Извини, что я так тебя вытащил из автобуса, не спросив. Спасибо, что вышла со мной, – сказала Ынсе мужским голосом.

– О боже, как интересно!

– Это бесполезная способность.

– Почему бесполезная? Ты могла бы работать актрисой в радиоспектаклях или заниматься озвучкой.

– Кто пригласит трансгендера работать актером?

– Я, конечно, не могу ничего сказать уверенно, но я сейчас занимаюсь как раз такими вопросами.

– Что? Чем ты занимаешься? – спросила Ынсе, хотя и знала ответ.

– Я мечтаю стать правозащитницей. Я сейчас работаю в организации, которая защищает права ЛГБТ.

– Правда?

– Моя цель – побороть предрассудки и дискриминацию по отношению к представителям меньшинств как раз примерно к тому времени, как ты выйдешь на рынок труда. Потому что я терпеть не могу эгоизм людей, которые не могут спокойно принимать тех, кто отличается от них. Но твой голос правда удивительный. В районе возле моего ресторанчика тоже есть трансгендеры,

однако трудно найти тех, кто может так здорово говорить и женским, и мужским голосом.

– А что ты чувствуешь при виде трансгендерных женщин?

– Сначала мне было неудобно, потому что я старалась вести себя аккуратно и говорить очень осторожно, чтобы не задеть их чувства, однако, когда я немножко подружилась с ними, поняла, что они очень хорошие люди. Конечно, это тоже зависит от конкретного человека. Мой старший брат встречался с женщиной-трансгендером. Она всегда выступала за справедливость и была очень красивой, но...

Чжехи, которая до сих пор возбужденно рассказывала, внезапно помрачнев, замолчала.

Ынсе же, услышав, что та девушка выступала за справедливость и была очень красивой, вспомнила Кальпернию из своего любимого фильма. Ей очень захотелось узнать, что дальше случилось с ней и братом Чжехи.

– И что? Что дальше? Расскажи про нее.

– Она умерла.

– Боже мой! От чего?

Ынсе, прикрыв рот рукой, широко раскрыла глаза.

– Ее зарезал один мудака извращенец-трансфоб. Об этом даже говорили в новостях.

Ынсе понравилось то, как Чжехи обозвала ненавидящих трансгендеров людей «мудаками извращенцами-трансфобами». Казалось, эндорфины в ее теле прыгают, словно капли воды.

– Однако когда я тебя вытащила из автобуса, ты даже не испугалась. Почему ты так послушно вышла за мной?

- Не знаю. Думаю, мне захотелось с тобой поговорить.

- Кажется, мне повезло, что я встретила с тобой.

Ынсе, глядя на Чжехи, игриво поиграла бровями.

Ынсе ожидала, что Чжехи просто улыбнется и все на этом закончится, но та тоже два раза подняла брови в ответ. Ынсе улыбнулась и еще раз подняла брови. Чжехи повторила.

Обе девушки из-за этих пустяковых действий громко засмеялись. Ынсе подумала, что смеется впервые за миллион лет.

- А куда ты, кстати, направляешься?

- В кафе «Тайм сквер», у меня там встреча с другом.

- О, а я там подрабатываю.

- Ничего себе, правда?

«Когда я вернусь в кафе, переоденусь в так идущую мне форму бариста, надену лифчик и покажу свой настоящий облик, как поведет себя Чжехи?» - задумалась Ынсе. Ей казалось, что Чжехи даже не удивится, потому что они до странности хорошо понимали друг друга.

- Но скажи, почему такая положительная девушка курит?

- Ой, от меня пахнет?

- Твоему парню это наверняка не понравится.

- Парню? Откуда ты знаешь?

- Видела вас в нашем кафе.

Чжехи остановилась.

- Что ты несешь?

- ...?

- Я действительно иду в кафе «Тайм сквер», но я там раньше никогда не была!

Ынсе поняла, что совершила ошибку. Однако не знала, как оправдаться.

- Ты что, сталкер?

- Н-н-нет.

Чжехи пошла в другую сторону.

- Чжехи, стой!!

Ынсе побежала за сильно рассердившейся девушкой, но та даже не оборачивалась. Она схватила ее за руку.

- Какие у тебя сегодня планы? После кафе куда ты пойдешь? Ты сегодня можешь погибнуть! Я хочу тебя предупредить!

- Да что с тобой? Прямо мурашки по коже!

Чжехи оторвала от себя руки Ынсе и убежала.

«Что же делать?!» - в отчаянии воскликнула Ынсе про себя.

Она в оцепенении смотрела на убегавшую Чжехи. Именно в этот момент какой-то мужчина привел детектива, которого Ынсе видела в прошлый раз, и указал пальцем на Ынсе.

- Вот тот мальчик. Он сказал, что знает шестую жертву, которая сегодня погибнет.

Когда детектив побежал в сторону Ынсе, перед ее глазами помутнело. И мобильный, и Ким Чжехи, которая застыла на месте и смотрела в ее сторону, и городской пейзаж вокруг – все стало размытым. Ынсе потеряла ориентацию в пространстве и бессмысленно махала руками в воздухе.

Опять те же симптомы. Как и в первую субботу, когда ее сознание резко перескочило из ванной в субботу на станцию метро в воскресенье. Ынсе тогда недоумевала, почему она не могла вспомнить, что произошло в этом промежутке.

«Получается, сознание, которое все время перемещалось из будущего в прошлое, в тот момент перескочило, наоборот, из прошлого в будущее?» – Ынсе не могла понять.

«Что со мной происходит?»

Почувствовав головокружение, Ынсе потеряла сознание.

* * *

– Ты очнулся? – донесся чей-то голос.

Под веками пронеслась синяя вспышка. Ынсе открыла глаза. Она лежала животом на кровати в незнакомом месте. Неизвестный ей мужчина средних лет смотрел на нее, наклонив голову. Это был худой человек невысокого роста. Лицо у него было квадратное, губы насыщенного темно-бордового цвета. Ынсе стало немного не по себе от его внимательного, пронизывающего взгляда. Она хотела подняться, но почувствовала сильную режущую боль в спине. Она невольно вскрикнула, но потом сжала зубы.

– Все хорошо. Тебе нужно лежать на животе. Ты в безопасности, – успокоил напуганную Ынсе невысокий мужчина. Из-за его спины показался другой, высокого роста. У него был достаточно темный цвет кожи и густые брови. Это был тот детектив, который хотел задержать Ынсе. На поясах у обоих висели полицейские жетоны.

– Я детектив Ха, а это мой напарник – детектив Кан, – представился невысокий мужчина.

Когда Ынсе звонила по горячей линии для поимки Ангела-карателя, полицейский, который ей ответил, сказал ей найти детектива Кан Чхольмина.

«Детектив Кан и детектив Кан Чхольмин – это один и тот же человек?» – задалась вопросом Ынсе.

В отличие от детектива Ха, во взгляде пристально смотревшего на Ынсе детектива Кана сквозило нечто неприятное: казалось, что на дне его черных зрачков что-то скрывалось.

– Ну, привет! – когда детектив Кан с улыбкой помахал ей рукой, Ынсе заметила кое-что необычное: ниже мизинца на ладони левой руки у него была татуировка в форме креста. Лицо Ынсе стало каменным, потому что такой же по форме и размеру крест был вытатуирован у отца на том же самом месте. Взгляд детектива Кана, направленный на Ынсе, был исполнен злобы. Она не могла понять, почему детектив, которого она увидела впервые в жизни, так на нее смотрел. Хотя оба были полицейскими, взгляды их кардинально отличались.

– А что случилось с моей спиной?

– Врачи говорят, что тебя, судя по всему, исхлестали кнутом. Рана очень серьезная. Несколько минут назад приходили медсестры и сменили бинты.

«Исхлестали кнутом??» – Ынсе совсем этого не помнила. Как и в первую субботу, у нее случился провал в памяти.

– Какой сегодня день недели?

– Утро воскресенья.

Ынсе немного успокоилась, подумав, что и это исчезнет, стоит ей ответить на звонок мамы. Однако она очень сильно переживала, так как не могла вспомнить, что случилось между субботой и воскресеньем и как она в таком виде оказалась в больнице.

– А где мой телефон? – Ынсе резко широко раскрыла глаза. Она почувствовала зуд в бедре, но, потянувшись почесать, не почувствовала того, чего ожидала. Подняв верхнюю часть туловища, она отбросила простыню, посмотрела на нижнюю часть тела и завопила.

– Ааааа!! Что со мной?!

Ниже колена у нее не было одной ноги.

– Ты получил ожог третьей степени на ноге. Мало того, что нервы пострадали, из-за воспаления очень быстро начали погибать клетки, и ногу пришлось ампутировать. Врачи сказали, что, если бы ее не отрезали, ниже пояса ты был бы полностью парализован. Еще у тебя была высокая температура, ты все время находился без сознания. Положение очень серьезное, поэтому, даже если тебя выпишут, придется долго ходить в больницу, продолжать лечение, – сказал детектив Ха.

– Что?!

– Когда тебя обнаружили в доме, где случился пожар, ты лежал без сознания, животом привязанный к обеденному столу, а дверь была закрыта извне.

«Я была привязана в доме, где случился пожар?» – Ынсе изо всех сил пыталась вспомнить, что случилось, от чего у нее началась страшная головная боль.

– Аааа! – Ынсе кричала, схватившись за голову, которая, казалось, вот-вот готова была взорваться от боли.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Увеличение груди и ее коррекция (прим. переводчика).

Купить: https://tellnovel.com/hi_hvan/paren-bez-ponedel-nika

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)